

П1347

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ
ПОЛЯРНОЙ КОМИССИИ

ВЫПУСК 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1930

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ
ПОЛЯРНОЙ КОМИССИИ

ВЫПУСК 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1930

Л. В. КОСТИКОВ

ЗАКОНЫ ТУНДРЫ

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ У САМОЕДОВ

Возникающие среди туземцев Сибири спорные дела теперь, как и в XVIII веке, когда Московское государство предписывало воеводам предоставлять ясачным людям „управляться по своим обычаям“, разрешаются туземцами собственным судом, по своим обычаям, но обычаи у некоторых народов до сих пор сохраняются только в устных преданиях.

На ненормальность такого положения обратил внимание еще сто лет тому назад Сперанский, посланный ревизовать сибирских управителей, и указал на необходимость собрать и систематизировать обычаи туземцев.

В соответствии с этим в Устав 1822 г. об управлении инородцами была введена ст. 68, предписывавшая подлежащим инстанциям собрать точные сведения об обычном праве туземцев. Полученный материал предлагалось губерским комитетам пересмотреть, смягчить „все дикое и жестокое“, а несообразное согласовать с существующими узаконениями и представить на утверждение в Петербург. Обработанный таким образом материал, пройдя в Петербурге ряд инстанций, поступил в Сибирский комитет, но в 1838 г. комитет был закрыт, в следующем 1839 г. умер Сперанский, а составленный проект Свода степных законов не был принят Государственным советом.

Материалы Сибирского комитета хранятся в Центральном архиве, однако попытка ознакомиться по ним со всем тем, что относится к вопросу о положении женщины у туземцев крайнего Севера Сибири, не увенчалась успехом.

В Публичной библиотеке, оказался все же прекрасно сохранившийся печатный экземпляр упомянутого проекта Свода степных законов без даты, с обозначением чернилами „1841 г.“ На таком же экземпляре Центрархива стоит также чернильная дата, но 1838 г.

В своде приведен список кочевых туземцев, на которых предполагалось распространить его действие, причем самоеды в этом списке не значатся, равно как не имеется и ссылок на их обычаи.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Октябрь 1930 г.

Непременный Секретарь академик В. Волин

Редактор издания А. И. Толмачев

Начато набором в сентябре 1930 г. — Окончено печатанием в октябре 1930 г.

748439
Центральная научная
Библиотека
Академии наук Киргизской ССР

68 стр.

Статформат Б₂

Ленинградский Областлит № 69737. — 4^{1/16} печ. л. — Тираж 800

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

Отсутствие самоедов в списке говорит за то, что издание для них особых законов считалось „не своевременным“, так же как это было признано впоследствии Государственным советом по отношению к тем народностям, которые попали в список.

В связи с теми же начинаниями Сперанского, помимо проекта свода степных законов, в печати существует рукопись, изданная Д. Самоквасовым, под заглавием „Сборник обычного права сибирских инородцев“ (Варшава, 1876 г.). Из приложенной к книге объяснительной записки усматривается, что рукопись была приобретена Варшавским университетом от сенатора Губе и по его словам представляла копию сборника обычного права, составленного по распоряжению правительства самими туземцами в двадцатых годах прошлого столетия. В сборнике имеется особая часть, под заглавием: „Обычай инородцев Тобольской губернии — вогул, остяков и самоедов“.

В отдельных статьях этой главы нет подразделений обычаев по народностям, а из самого текста можно извлечь весьма немногое, непосредственно относящееся к самоедам, причем материал настолько переработан составителями, что совершенно утратил характер народного обычая.

Так, в ст. 18 говорится, что „у самоедов по смерти наследство переходит к детям, после брата — братьям, после родственника — к родственникам, несмотря на завещание. Наследством почитаются звероловные места, рыболовные реки, коими после умершего пользуются родственники, другим запрещается. За правило у них приемлется наследовать после отца сыну; после брата — брату, а ежели был женат и оставил малолетних детей, обязан взять на попечение жену и детей братних; после родственника — к родственникам. Есть в обычае завещать которому-либо сыну при родоначальнике или старшине, или делать раздел при жизни по своему произволу“.

В других статьях имеются противопоставления язычников мусульманам, хотя не приходилось слышать, чтобы не только среди самоедов, но и среди вогул и остяков были последователи ислама. Так, в ст. 11 говорится между прочим о том, что принимающий присягу „допускается к целованию Алкорана“. В ст. 12 о нарушении правил веры сказано, что если виновный не исправится, то „закон магометанский полагает смерть“.

Брачному праву посвящена ст. 17, озаглавленная: „Свадебные дела“. Приводимые в ней сведения имеют в виду язычников и мусульман. Кроме того, объединяя в одно целое обычаи вогул, остяков и самоедов, статья отличается общими, не всегда ясными и точными, определениями. Так, упомянутая статья начинается с указания на то, что „Если несовершеннолетнего возраста девица отцом или дедом выдана в замужество, брак не подлежит разводу; если совершеннолетняя выйдет в замужество,

без согласия отца, сама собою, за равного, брак остается в своей силе; а буде за неравного, брак, по воле родителей, уничтожается“ и т. д.¹ Далее указывается, что „у язычников за увоз женихом тайно невесты от отца, не заплатя калыма, обязывается платить более, нежели по условию. Ежели жених заплатит калым за невесту, а она вскоре умрет, калым обращается к зятю, а к тестю приданое, но если останется сын или дочь, тогда возврата не бывает. Ежели муж, по заплате калыма вскоре умрет, а жена выйдет за другого, то от другого мужа калыма не требуется.² Если по несогласию последует разрыв, муж отсылает с приданным жену к ее отцу, а тесть возвращает калым; но сие дело обслуживают прежде князья или старшины. Разрыв таковой допускается если нет детей, а при имени оных не бывает. Браки соблюдаются весьма слабо. Доколе калым не выплачен, невеста не отдается и жених иногда несколько лет работает на тестя. Цена калыма сто, двести и более рублей. Пасынок может брать мачиху и сестер, кроме родных, и в сем правил нет“.

Вот и все, что так или иначе может охарактеризовать правовое положение женщины у самоедов по материалам данного сборника.

Зато в нем имеются статьи с довольно странным, на первый взгляд, содержанием. Согласно ст. 13 — „за умышленное убийство или отраву полагается смерть“. При этом добавлено: „какое в древности полагалось наказание предания молчат“. По ст. 15 „за грабеж и убийство полагается лишение рук и ног, и потом предание смерти“. Очевидно, не все „дикое и жестокое“ было смягчено в этих статьях. А ст. 24 указывает, что „виновный в неумышленном убийстве человека платит 100 верблюдов, или 700 золотников золота, или 7.000 серебра“.

Содержание приведенных статей как нельзя лучше свидетельствует не столько о существовавших некогда обычаях туземцев Тобольского края, как об эпохе торгового капитализма в Сибири с сопровождавшими ее жестокой судебной расправой и утонченными наказаниями, практиковавшимися во времена Петра I. Что касается упоминания об „обычае“, на основании которого за полярным кругом расплачиваются верблюдами, то таковое сразу приводит нас к шариату, по которому преступник платит обиженной стороне, пожелавшей получить материальное удовлетворение, сто верблюдов или стоимость их деньгами.

Н. И. Гродеков по поводу помещенных в сборнике Д. Самоквасова обычаев киргизов говорит: „даже при беглом чтении этого отдела видно, что собранное комиссией в значительной степени сочинено приглашен-

¹ О „равных“ и „неравных“ браках в том смысле, как это понимаем мы, среди указанных народностей слышать не приходилось.

² Это сообщение явно не точное, так как калым не требуется только в том случае, если „другим мужем“ окажется наследник умершего, получающий вдову, как часть наследства.

ными в комитет киргизами.¹ То же самое можно сказать и относительно самоедских обычаев, с той только разницей, что „сочиняли“ не самоеды, а лица, приглашенные говорить за них и при том делали это не без корыстных побуждений, как можно усмотреть из приведенной 18 ст., где говорится, что самоеды имеют обыкновение „завещать“ имущество не своим родственникам, а детям старшин.

О юридических обычаях самоедов имеются еще следующие труды.

А. Ефименко написала свою работу на основании обычаев, записанных со слов канинских самоедов и сведений, встречающихся в статьях Лепехина, Кастрена, Иславина, Максимова и др. В виду незначительного количества в описаниях путешественников материала, относящегося к женскому вопросу, А. Ефименко использовала, главным образом то, что касалось вопроса о женщине в статьях Кастрена и Шренка. Сведения, сконцентрированные в части, озаглавленной „Право семейственное“, хотя отрывочны и кратки, все же дают довольно правдивое и отчетливое представление о незавидном положении самоедки.²

Следующей работой, посвященной юридическим обычаям самоедов является статья А. Воронова,³ составленная по рукописи Н. Григоровского: „Нравы и обычаи томских самоедов“, в которой женскому вопросу уделено очень мало внимания. Кроме того, материал для этой статьи собран среди обрусевших, оседлых самоедов, уже знакомых с правильным уходом за коровами и пользующихся в качестве рабочего скота лошадьми, а не оленями.

Наконец, А. И. Дмитриев-Мамонов и К. М. Голодников⁴ уделяли вопросу о положении женщины всего одну страницу, на которой изложили некоторые из обычаев тоже обрусевших самоедов Тобольского края.

Перечисленными трудами ограничиваются источники, из которых исследователь мог бы почерпнуть сведения о юридическом быте самоедов вообще и о правовом положении у них женщины в частности. Общих же этнологических работ, посвященных изучению нравов и обычаев самоедов, в русской литературе не имеется.

Между тем, освещение вопроса о туземной женщине возможно только при ознакомлении с естественно-сложившимся в приполярной тундре хо-

¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-дарьинской области, т. I. Юридический быт, Ташкент, 1889, стр. 1.

² А. Е. Ефименко. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губ. Зап. РГО, т. VIII, 1878.

³ А. Г. Воронов. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губ. Сборник юрид. обычаев, т. II. Зап. РГО по Отд. Этногр., т. XVIII. СПб., 1900, стр. 1—26.

⁴ А. И. Дмитриев-Мамонов и К. М. Голодников. Юридические обычаи самоедов. Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г., стр. 32.

зяйственно-экономическим укладом жизни. Поэтому, не задаваясь целью представить исчерпывающие сведения о правовых нормах у самоедов, постараемся изложить бытовые особенности жизни этого народа и подтвердить некоторые из сообщаемых сведений выписками из путевого журнала, который велся в 1927 г. во время участия в Гыданской экспедиции Академии Наук.

Выполненная в таком плане работа, как нам кажется, имеет не только теоретическое научное значение, но и может послужить практическим целям, дав материал как для более жизненной, соответствующей времени, постановки суда, так и для проведения и осуществления мероприятий по улучшению положения туземной женщины.

На пространстве между нижним течением Енисея и устьем Оби кочится смешанная племенная группа, официально именуемая в Обдорском районе самоедами обдорскими, тазовскими, низовыми. Часть этих родов, населяющая низовья р. Таза и левый берег Енисея, называется в Туруханском крае юраками тазовскими, береговыми. Среди юрацких родов только три наименования не встречаются у обдорских самоедов. К кочевникам данного района должны быть присоединены также обдорские остяки — оленеводы. Относительно их еще Кастрен сказал следующее:

„Влияние самоедского племени так сильно, что остяки-олленеводы не только усвоили уже себе религию, нравы и образ жизни своих соседей, но даже и на языке их говорят свободнее, чем на родном“.¹

К сказанному Кастреном можно добавить, что подавляющее большинство остяков-олленеводов, заключая браки с членами самоедских родов, уже совершенно утратило свой родной язык и таковым считает самоедский.

Говорят перечисленные группы самоедов, юраков и остяков на так называемом юрацком наречии и объединены между собою не только узлами свойства, общей религией и обычаями, но и одинаковыми условиями кочевания, а, следовательно, одними и теми же экономическими отношениями. Эти последние, налагая свою печать на сферу производства и потребления не могут не влиять также на положение женщины в семье северногономада.

Те же условия борьбы за существование в большей степени, чем где бы то ни было, вызывают у приполярных обитателей не только стремление к увеличению потомства, как к способу сохранить и укрепить род, семью но и побуждают их проявлять особые заботы об этом потомстве. Не приходится, поэтому, удивляться, что члены самоедской семьи обнаруживают трогательное внимание и любовь к детям.

¹ А. Кастрен. Собрание старых и новых путешествий, ч. II. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1838 — 1844 гг.), (1845 — 1849 гг.), М., 1860, стр. 192.

У них нет веры в то, что дети являются наградой верховного существа за добродетели родителей. Все же, по их понятиям, душа человека обязана своим появлением богине-земле (янебе) и в обмен за человеческую душу, присланную на землю, они посылают душу оленя, принося в жертву теленка соответствующего пола.

Конечно, и в самоедской семье, как это наблюдается почти у всех малокультурных народов, наиболее желательным ребенком является мальчик — будущий помощник отца и продолжатель рода. Тем не менее, рождение девочки только в редких семьях может быть встречено недружелюбно. В большинстве случаев полагают, что дочь явится не менее работоспособным членом семьи, чем ее братья, и если в дальнейшем она не послужит к продолжению рода, все же, уступленная за хороший выкуп, будет способствовать усилению экономической мощи семьи.

Тесная связь между матерью и ребенком и ее привязанность к нему, покоящиеся на осязаемом физическом факте — на пуповине, наблюдаются у всех народов, и самоедки в данном случае не представляют исключения.

Другое дело — отношение отца к детям и особенно к дочерям. Оказывается, что в тех чумах, где при нескольких сыновьях, имеется дочь, она обычно является любимицей отца. Окружая ее особым вниманием, отец, как бы оправдываясь, старается отметить, что нежное обращение его с дочерью заслужено ею, „так как она у нас одна“. Привилегированное положение малютки проявляется еще и в том, что она, достигнув двух-трехлетнего возраста, спит под одним покрывалом с отцом и нередко он выполняет обязанности няньки, а мать является лишь помощницей в заботах по уходу за ребенком.

Существует даже особое название девочки-первенца (нябуко), тогда как для первенца мальчика соответствующего названия нет. Братья и сестры на вопрос: кто это? говорят о такой сестре „нябуко ми“, тогда как вообще о старших братьях и сестрах, независимо от пола, говорят — „нека ми“.

Не является ли специальное название „старшей сестры“ уцелевшим и дошедшим до нас фрагментом особого отношения к женщине при матриархате, когда женщина и ее род играли первенствующую роль, перешедшую затем к мужчине. Приходилось также часто слышать обращение: „небекэ“, созвучное „нябуко“. Слово „небекэ“ произносят маленькие дети, обращаясь к матери и употребляя его вместо „небе“, равнозначущего русскому „мать“.

Положение малолетних дочерей ничем не отличается от положения их братьев. Одинаково и те и другие, в зависимости лишь от возраста, прежде всего являются няньками друг друга и помощниками взрослых в деле ухода за младшими членами семьи. В возрасте от четырех до семи лет и мальчики и девочки в равной степени приспособлены к таким, по-настоящему для них, не требующим особого знания и опыта, работам, как

держание веревки при загоне стада, чистка рыбы, собирание сухого тальника и т. д. Тем не менее уже и в эти годы начинается некоторая дифференциация труда. Так, напр., девочке с самого раннего возраста приходится познакомиться с уходом за незатейливой домашней утварью. Спать обычно малолетняя помощница укладывается позже братьев, одновременно с матерью, когда с хозяйственными заботами покончено. Конечно, в этом нежном возрасте детей работой не перегружают и труд их ближе подходит к игре. Родители же, поскольку это им доступно в условиях жизни сурового севера и в той мере, как они понимают доброе, хорошее отношение к детям, делают все, чтобы они были не только сытыми и здоровыми, но и веселыми, незлобивыми и т. д. Однако, выросшие дети не всегда почтительно относятся к своим родителям и часто приходилось слышать жалобы стариков на плохое обращение с ними женатых сыновей.

Заботливое, доброжелательное отношение к дочерям не меняется и с возрастом. Девушка-подросток, девушка-невеста по прежнему пользуется благосклонностью отца и других членов семьи. На внимательное отношение отца к взрослой дочери, помимо чувства родительской любви, весьма вероятно, влияет также и стремление иметь как можно лучший объект, предназначенный для передачи в другую семью, другому роду, т. е. иметь товар, который желательно было бы уступить по наивысшей цене. Красивая, умная, разбитная, трудолюбивая, домовитая, с ровным покладистым характером самоедка долго не засидится в девицах и будет отдана за наиболее высокий выкуп.

С приближением к периоду половой зрелости самоедка начинает подвергаться ряду ограничений, а с наступлением этого периода переходит в разряд существ нечистых, поганых. И тем не менее за время девичества эти ограничения не дают остро чувствовать себя. К ним привыкают как к чему-то неизбежному. Более того — их почти не замечают. По прежнему отец проявляет знаки внимания к дочери, но условия женского труда заставляют ближе держаться к матери, а религиозные верования постепенно отдаляют ее от братьев, сверстников игр. Еще так недавно отец брал ее с собой на жертвоприношения и угощал одним из лакомых кусков — сырой почкой, а теперь она довольствуется мясом с ног оленя, снимая с них шкурки для изготовления обуви и усердно обесасывает сухожилия, приготавливая из них нитки. Все же, если представляется возможность взять с собой взрослую дочь, то отец охотно предложит ей запретить свои санки и последовать за ним в гости к соседям, на фабрику и т. д. К этому времени у нее уже есть свой девичий выезд, она уже имеет некоторые свои „драгоценные вещи“, в виде двух-трех медных часовых цепочек, подвешиваемых на ремешках к ушам вместо серег. Волосы ее в праздничном наряде, зачесанные в две косы с вплетенными красного сукна тесемочками и шнурочками, унизаны медными пуговицами и спускаются почти до пяток.

Шапка снабжена тяжкими литыми медными бляхами, а за неимением их — старыми гайками, кусками поломанных паровых болтов и т. д.

В женской работе, благодаря молодости, выносливости и здоровью она, конечно, впереди всех.

Подвижная, ловкая, находчивая, там, где можно, она окажет помощь и братьям.

До брака общение полов не возбраняется, и девушка, имеющая ребенка, не преследуется. В недалеком прошлом, беременности девушек первым ребенком придавали даже особое значение, считая это доказательством выявленной способности дать потомство, особенно если первенец — сын, а к остальным относились с некоторым недоверием.¹ Кроме того, беря себе в супруги беременную девушку, самоед уверен, что у него будет потомок, так как зачатый в незаконном сожителе считался после заключения брака ребенком того, кто женился на беременной. Однако, в настоящее время размер калыма за потерявшую девственность понижается. Последним обстоятельством, повидимому, пользуются малоимущие, чаще останавливающие свой выбор на девушках, имевших детей. С другой стороны боязнь нареканий за уменьшение калыма заставляет иногда дочь и даже при содействии матери итти на преступление и умерщвлять младенца.

Дети, прижитые до брака, воспитываются в семье матери и при выходе ее замуж переходят, в качестве приданого, к законному супругу, причем положение их в большинстве случаев весьма незавидное. Воспитанные и выросшие вне чума мужа, они не считаются принадлежащими к его роду и обращение с ними как отчима, так и его родни, может быть охарактеризовано отношениями хозяев, не желающих даром кормить чужих родовичей и потому эксплуатирующих их как безответных работников. Мать же, боясь навлечь на себя гнев мужа, бессильна защитить своего ребенка. В силу этого мальчики предпочитают при первой возможности пристроиться в качестве работников к чужим людям, где обычное право обеспечивает им хотя бы минимум заработной платы. Что касается девочек, то они поневоле до выхода замуж принуждены оставаться в чуме отчима.

Вопрос о внебрачных детях — большой вопрос севера и если он не приобрел пока особой остроты, то лишь потому, что число их сравнительно невелико.

Мягкое и ровное обращение в детстве, бережное отношение в период возмужалости, не могут не отразиться на складе характера женщины, более живой и веселой по темпераменту, чем мужчина. Движения ее быстры и порывисты, она скоро забывает полученные обиды и недолго горе угнетает ее душу. Она реже плачет, чем русская женщина, не зави-

¹ Э. Гофман. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования экспедиции снаряженной РГО в 1847—1850 гг., т. II, СПб., 1856, стр. 206.

стлива, а потому и менее имеет поводов огорчаться. Самоедка болтлива, пожалуй, в той же мере, как это свойственно женщинам других народов, каковой порок, однако, здесь порождает добродетель, делая ее более общительной, чем мужчина: сами по себе самоеды народ скрытный и недоверчивый. В трудолюбии женщине отказать нельзя, а домоседство вызвано условиями жизни в тундре.

Стремясь, в целях экономической мощи, не уменьшать, не дробить хозяйство, самоеды предпочитают жить большими семьями, взаимоотношения членов которых вытекают из самих традиций, характеризующих уклад жизни при скотоводческой форме хозяйства. Если размеры чума не вмещают разросшуюся семью, для части ее оборудуются новые, но стадо и прочее основное имущество остаются общими. Такие, принадлежащие одной семье, чумы стоят рядом или поблизости один от другого и перекочевки их происходят одновременно.

К разделу или выделу прибегают в крайних случаях. Вызывается это, обычно, неладом между невестками и свекровью. При разделе младший сын остается у отца, а выделенный старший обязывается своих первенцев сына и дочь, по достижении ими двух-трех-летнего возраста, отдать деду, в чуме которого они будут расти и воспитываться, являясь радостью и утехой стариков. Отношения к внучке аналогичны описанному выше отношению отца к любимой дочери.

Старик, освобожденный от тяжелого физического труда, имеет возможность больше уделять времени внучке и отношения между ним и последней носят еще более трогательный характер. Когда девочка подрастет, замуж ее выдает не отец, а воспитавший ее дед, он же, а не отец получит за нее выкуп. Что касается внука, то его женит, уплачивая калым, также дед, и женатый внук, как и женатый младший сын, непременно остаются в чуме стариков.

Проживая у родителей, младший из сыновей, в случае смерти отца, одновременно с получением оставшегося имущества и родовых прав принимает на себя обязанности по содержанию матери и других членов семьи, равно как и заботы по воспитанию сестер. Он же выдает их замуж, получая львиную долю выкупа.¹ Так, напр., из калыма в тридцать оленей два старших выделенных брата получают по пяти оленей, а остальные двадцать придутся на долю младшего.

Таким образом, у самоедов мы наблюдаем власть над сестрами не старшего, а младшего брата.

¹ Хотят сказать, старых дев, оставшихся при родителях, встречать не приходилось, зато наблюдалось несколько случаев уже состарившихся сестер, находившихся при семьях братьев и имевших по несколько человек детей, причем неудачники сообщали, что остались без мужей вследствие чрезмерно высокого выкупа, требуемого братьями и что они в отместку братьям стараются приживать детей внебрачным путем.

Родственные связи между разделенными братьями и вышедшими замуж сестрами, при отсутствии общих экономических интересов, нередко утрачиваются, а если общение и остается, то может быть приравнено к обычному отношению между знакомыми. Бедняку в уплате калыма скорее помогут личные друзья, чем близкие родственники, а тем более разросшийся и рассеявшийся род.

Браки малолетних с малолетними в настоящее время встречаются чрезвычайно редко. Наблюдать это в тундре можно лишь у наиболее состоятельных. Глава такой семьи, заботясь о сыновьях, старается обеспечить их женами на случай своей смерти или возможного падежа оленей.

Дети-супруги, хотя бы возраст их не превышал и десяти лет, будут спать вместе.

Несоблюдение правильного нормального соотношения между годами жениха и невесты также можно встретить лишь в виде исключения. Тем не менее бывают случаи покупки малолетнему сыну взрослой жены, являющейся работницей в хозяйстве, а иногда и наложницей тестя.¹

Если женят малолетнего, с ним обращаются как с взрослым и он проделывает все, что полагается жениху по свадебному ритуалу.

Случается, что бездетные супруги, под видом покупки второй жены, приобретают себе приемную дочь. Называли фамилию самоеда (Хохрэй Ненйг), который в возрасте 60 л., имея старуху жену и не имея детей, женился на десятилетней девочке.²

При заключении брака согласие родителей обуславливается самой сущностью брачного союза. Отец невесты выдает свою дочь замуж, не считаясь с ее желаниями, но и отец жениха, нередко, женит зависящего от него в материальном отношении сына, не спрашивая его согласия.

Задумав жениться (нелевэй) или женить своего сына, самоед (хасово) прежде всего должен выяснить из какого рода (ёркар) может он

¹ Борьба с таким отрицательным явлением, как снохачество, проявляется у самоедов, между прочим, запрещением невестке показываться в присутствии тестя без обуви; тестю же воспрещается смотреть на ее обнаженные ноги.

² По словам А. Ф. Раева у бурят отличают сватовство с условием о калыме от простой покупки девочки, которая потом выдавалась замуж за сына купившего ее или за кого-либо другого (Буряты. Вести. РГО, 1858, XXIV, стр. 26). О таких способах приобретения девочек у самоедов слышать не приходилось, но факт усыновления мальчика путем его покупки обнаружился случайно. При просмотре переписных бланков статистика всеобщей переписи, работавшего на левом берегу Енисея, мною было обращено внимание на фамилию юрака — Тымтовай, так как она не подходила ни к одному из существующих названий родов. Путем опросов встречных самоедов, удалось выяснить, что „тымтовай“ не фамилия, а имя, и в переводе на русский язык означает — купленный. Несколько десятков лет тому назад он ребенком был приобретен самоедом Ямкиным, как говорят, у тунгусов, причем мать его пошла в придачу бесплатно. По переписному бланку семья этого юрака состоит теперь из 13 душ, в числе которых значится и мать Делмо — 90 лет.

выбрать себе невесту. Все члены одного и того же рода, в какой бы отдаленной степени родства они ни состояли, не могут вступать между собою в брак, так как считаются родственниками. Другими словами, у самоедов строго соблюдается экзогамия. Запрещение это распространяется не только на лиц, носящих одно и то же родовое название, но и на целую группу родов. Общий отец, хотя бы в очень отдаленном прошлом, числится родоначальником нескольких родов, противопоставляемых остальным. Обычно каждая семья, кочуя и соприкасаясь лишь с соседними родами, назовет два-три рода, из среды которых она может выбирать себе невест и столько же родов, с женщинами которых нельзя бракосочетаться, так как мужчины из этих родов считаются как бы братьями (пёбьсь).

Таким образом, путем опроса ряда семейств, нетрудно установить в общем итоге две группы, противопоставляемые друг другу и стремящиеся на протяжении многих веков поглотить одна другую.¹

Если сын не может взять невесты из семьи, носящей с ним одну и ту же фамилию (название рода), то он без сомнения может брать из той семьи, из которой взял себе жену его отец, т. е. из рода матери. Здесь противопоставляется не семья — семье, а род — роду, причем родство считается по отцу, а не по матери, т. е. не кровное (утробное), а агнатическое. Сыновья поэтому могут брать себе жен из материнской семьи, считающейся для их рода чужой и ни в коем случае не могут породниться с однофамильцами, хотя бы степень родства никакими способами не могла быть установлена.

В некоторых семьях, хотя и нет прямых указаний на то, что обычаем требуется брать жен из рода матери, тем не менее жены берутся только из одного этого рода. В таких случаях мать и невестки носят одно и то же родовое название, но установить степень родства между ними весьма затруднительно.

Экзогамия и родство по отцу допускают также возможность жениться взаимно на сестрах друг друга. Мало того, обычное право требует даже значительной скидки с размера калыма при женитьбе на нескольких сестрах. Опытном, однако, установлено, что сестры в одном чуме при одном муже не уживаются и самоеды, имея преимущественно двух жен, предпочитают брать их из разных родов.

При выяснении не семейных, мы еще раз подчеркиваем, а родовых, родственных отношений, если сами брачующиеся твердо не знают: можно ли им вступить в брак, спрашивают мнения сведущих в этом стариков или шаманов.

Когда выбор невесты сделан, и выяснилось, что род ее не „пёбьсь“, приступают к приглашению свата (нэу).

¹ Рассмотрению этого вопроса предполагается посвятить отдельную работу.

Сватом может быть всякий (и́у́не таранà ненàч — человек сватом ходит), но от свата требуется настойчивость и умение говорить. Важно, чтобы сват был почтенный и уважаемый человек, чтобы отец невесты считался с ним и принял его должным образом. Поэтому предпочитают выбирать в сваты стариков, как лиц не постесняющихся торговаться при назначении калыма. Сватов профессионалов — нет. Однако, в тундре среди определенной группы номадов называют Талипти Ябтонгè (Ябтунгай), обладающего способностью убеждать неговорчивых отцов уменьшать размер калыма до цены, соответствующей имущественному положению и желаниям жениха. Тем не менее, ни определенное социальное положение, ни возраст свата не обязательны и таковым может быть и молодой человек, лишь бы он был тактичен, находчив в беседе, но настойчив и упорен при отстаивании интересов жениха.

Иногда, в случае отказа, отец невесты, не обращая внимания на присутствие свата, тушит огонь и вместе с находящейся в чуме семьей укладывается спать, предлагая непрошенному гостю покинуть чум. Настойчивый, уверенный в себе сват не постесняется взяться за „бабье дело“: снова разведет огонь и будет поддерживать его, хотя бы всю ночь, пока не добьется благоприятного результата переговоров. Если отец невесты продолжает упрямиться и, плотно завернувшись в свою ягушку (верхняя женская одежда, которой покрываются мужчины во время сна), не отзывается на его вопросы, почтенный сват не задумается стащить с негостеприимного хозяина ягушку, требуя объяснений причин отказа и предубежденного отношения к жениху. Такой сват заставит отца невесты рассказать все то, что ему известно плохого о женихе и сумеет в свою очередь рассеять предвзятое о нем мнение. Вот почему бедняк, неуверенный в том, что его предложение с радостью будет встречено в семье невесты, стремится достать себе такого свата, который сможет добиться положительных результатов.

Выбрав свата (и́у́не нянàни тарангун — ты у меня будешь сватом) и заручившись его согласием, жених в назначенный день отправляется вместе с ним, каждый на своих санках, к отцу невесты. Приезд принаравливают к вечеру, когда все члены семьи обычно бывают в сборе. Подъехав к чуму, жених (немында хасово) останавливает свои санки против входа в чум и не сходит с них, а сват, войдя внутрь чума и оставаясь у двери, сообщает о цели своего приезда. Особой формулы обращения свата — нет. При первых же словах свата отец высылает дочь в соседний чум, а если такового поблизости нет, то невеста (хаюпà хайвунде, хасово мэундàне) ложится в какой-нибудь угол и ее прикрывают ягушками.

В тех случаях, когда у невесты есть старшие братья, отец в их присутствии вести переговоры со сватом не будет. Если они стоят чумами рядом или поблизости, или просто находятся в данный момент вне чума отца, то сват пойдет за ними, сказав, что у отца есть к ним дело и он их

требует к себе. На вопрос сына: зачем его позвали, отец ответит, что у него никакого к нему дела нет. Тогда сын, увидя, что позвавший его не садится, а стоит у дверей, догадывается в чем дело и отвечает: — ну, так я так посижу и послушаю, о чем вы будете говорить.

То обстоятельство, что прибывший гость во время разговоров остается у двери и то что он не садится, говорит о цели посещения. Предположения эти подтверждаются также тем, что приехавший держит в руках — палку (ядопть), с которой обыкновенно ходят лишь дряхлые старики.

Выслушав свата, отец спрашивает сыновей: — ну, как вы думаете?

— Решай сам, — отвечают последние, — ты сестру растил, ты и решай. Теперь это твое дело. Если умрешь, решать будем мы.

Когда отец почему-либо не хочет отдавать свою дочь, то на предложения свата ничего не отвечает.

Молчание является ответом на троекратное заявление свата о цели его посещения.

При настойчивости свата, если нет способа отговориться, отец невесты, зная имущественное положение жениха, запрашивает такой калым, который жених не в состоянии заплатить.

В тех случаях, когда после смерти мужа, вдова возвратилась с дочерью к отцу, что бывает сравнительно очень редко, то при выдаче замуж внучки переговоры со сватом будет вести мать, а не дедушка. При этом мать, считаясь с желанием дочери, спрашивает, угоден ли ей жених. Что касается отца, то он никогда не спрашивает свою дочь.

— У нас не бывает случаев, чтобы дочь осмелилась послушаться родительской воли, — отвечают хасово.

— Отцы нас растили, они и продавать нас могут. Как же иначе? — говорят дочери.

Но вернемся к свату, беседующему с отцом. Сват, выслушав все условия отца невесты, выходит из чума и сообщает жениху о размерах калыма (немир, яркы ты). Жених, не соглашаясь с запрошенной ценой, вносит те или другие изменения, после чего сват снова возвращается в чум и излагает условия жениха. При дальнейшем обсуждении этого вопроса принимает участие и мать невесты. В этот момент сват должен выявить свои коммерческие таланты и заставить родителей невесты принять предложенные условия. Если родители не соглашаются, сват снова сообщает об этом жениху. Находя новые предложения для себя неприемлемыми, он еще раз пытается пойти на уступки, но добавляет: — передай, что, если не согласны на это мое последнее предложение, то больше не дам и „век не приду“, — т. е. никогда не приду.

В случае благоприятного завершения переговоров, сват выходит и сообщает об этом жениху, приглашая его войти в чум (нево ёльчево тэдгаво тингую — сватовство кончили, гостить будем).

Войдя в чум, жених садится около отца невесты, между ним и передним местом. Тут же садится и мать невесты. Сват располагается или около матери с отцом, или на противоположной стороне чума. После появления жениха начинается угощение чаем и вареным мясом — если таковое есть. Впрочем, в этот раз есть много не полагается. Жених ограничивается только одной чашкой чая. Во время угощения подают все, что только имеется наиболее вкусного из лакомств жителя тундры. Варят рыбу или мясо, подчуют маслом, сушками, сахаром и т. д., но оленя в этот раз не бьют. Во время еды сват берет свою ядопть (пешеходную палку) и делает на ней нарезки о количестве калыма (немер ты, немир или мйрти). Закончив оформление сделки, он показывает произведенную им запись отцу невесты и жениху и хранит эту палку у себя, не давая ее никому, чтобы отец не прибавил, а жених не убавил обусловленного числа оленей. Это — вместо падерки (бумажки) — документ, по которому сдается калым. Когда отец невесты и жених, проверив запись свата о количестве подлежащих уплате оленей, убедились, что таковая произведена правильно, приступают к дальнейшим переговорам о тех составных частях калыма, которые на ядопть не заносятся, т. е. о песцах, оленьих шкурах, деньгах и пр. Все эти переговоры происходят, конечно, во время угощения, но этикет требует, чтобы жених был как можно более воздержанным в еде. Случай обильного угощения в полной мере использует сват. Во время всех этих переговоров невеста лежит, укрытая ягушками, как будто ее не существует и не о ней здесь речь. Закончив трапезу, исчерпав переговоры о калыме и условившись о дне выдачи его, сват вместе с женихом возвращается в чум последнего.

По издревле установившемуся обычаю сват с женою во все время сватовства, если и не живут в чуме жениха, то обязательно прикочевывают к его чуму и стоят рядом. Холостому свату сопустствует мать или кто-либо из родственниц, но не посторонняя женщина.

В назначенный день отец невесты в сопровождении матери и сыновей, работников и знакомых отправляется к жениху. Подъехав к чуму он останавливает свои сани не против двери, а с противоположной стороны чума около переднего угла и, войдя внутрь, усаживается на почетном месте. Вокруг него располагаются все прибывшие. Начинается угощение чаем, вареным мясом, а если есть вино, то и вином, но в ограниченном количестве.

— Много пить нельзя, потому надо дело делать.

Покончив с едой, все мужчины отправляются ловить оленей, предназначенных в уплату калыма.

При выделе калыма сгонять оленей к чуму — неводить, как это обыкновенно делается при запряжках во время перекочевок, ни в каком случае нельзя — грех. Надо каждого оленя ловить (яркы) арканом отдельно.

Для этого стадо жениха перегоняется на новое свежее пастбище с мягким грунтом, где олени пасутся обычно — кучно, не рассеиваясь. Здесь сам жених и по его указанию его родственники и знакомые ловят оленей в том порядке, как это записано на ядопти. Затем, передают их свату, привязывая пойманных животных к санкам. Неученым оленям, непривыкшим к запряжке, связывают ноги и они остаются пока около свата в лежачем положении. Сват тщательно осматривает каждого оленя. Добросовестный сват строго следит за качеством калыма: тощих, старых и вообще плохих оленей он без всяких разговоров приказывает отпустить обратно. Помогаящие жениху спешат сообщить ему, что таких-то оленей сват забраковал. Возражать и спорить не принято. Беспрекословно жених подчиняется требованиям свата и указывает, каких оленей поймать взамен выпущенных. Прием оленей отмечается на другой палке — съяде — изображении духа, которое тут же изготавливается сватом. На этой палке вырезывается подобие человеческой головы с глазами, носом и ртом. Этого съяда позже в процессе свадебной церемонии обмакивают в кровь жертвенного оленя и после свадьбы он хранится на священных санках вместе с другими предметами культа. Сколько замужних дочерей — столько и съядев хранится в этих санках и перевозится с места на место, пока они не растеряются. Что касается ядопти, то после получения калыма она, если не нужна как палка, уничтожается, и единственным документом совершенной сделки остается упомянутый съядай.

Отец невесты активного участия в ловле оленей не принимает. Он сидит на своих санках и лишь наблюдает за тем, что делают окружающие.

Когда прием оленей сватом закончен, родственники жениха отгоняют стадо подальше от места сдачи калыма, а отец невесты приказывает своим людям пригнать сюда его стадо. Как только олени отца невесты займут пастбище, полученный калым освобождается от своих пут. Таким способом чужие олени вливаются в новое стадо и с этого момента будут уже ходить с ним одним табуном.

После выдачи оленей жених уплачивает будущему тестю обусловленное количество песцов и деньги, если последние были оговорены. Получив калым и зайдя в чум за женой, отец невесты отправляется домой.

Пока тесть заботится о своем табуне и калыме, жених снова собирает принадлежащее ему стадо, так как предстоит большая запряжка, но на этот раз оленей неводят, т. е. загоняют в специально создаваемую загородку. Он отправляется к невесте, сопровождаемый отцом, матерью и всеми родственниками и обязательно сватом и его женою. По приезде жениха его не впускают в чум невесты пока не получат с него соответствующего выкупа. Обычай этот называется „не́м ня́мбы“ и состоит в том, что между женщинами и прибывшим женихом происходит борьба и торг,

причем руководящая роль принадлежит матери невесты. Иной раз так увлекаются борьбой, что разорвут нюку — верхнюю крышку чума. Жених должен дать выкуп, состоящий из песка или выпоротка, смотря по тому, чем он располагает. Такой выкуп называется — ненталма и достается тем женщинам, которые препятствовали жениху проникнуть в чум.

На этом, если так можно выразиться, торжестве, устраиваемом в семье невесты, распоряжается и хозяйничает жена свата и сват. Родители невесты ни в заботе по приему гостей, ни в хозяйственных хлопотах не только никакого участия не принимают, но даже и не едят с гостями. На этот раз в чужом хозяйстве, чужим добром всецело распоряжается жена свата. Отец ограничится тем, что задушит на угощение (хасово не убивают, не колят, а только душат оленей) взрослую важенку или телку и снимет с нее шкуру. Этот олень носит особое название — „тjосей“. В кровь его погружают съедая, по отметкам на котором принимался калым. Несъеденные остатки убитого оленя, сколько бы их ни оказалось, не могут оставаться в этой семье и будут забраны посторонними женщинами — гостями. Жених в этот вечер не имеет права сидеть за общим столом. Он усаживается совершенно отдельно от всех, сзади свата, но ближе к двери, т. е. к поганому месту. Ест он из отдельной посуды, которая впоследствии достается жене свата. Чай она выпьет одну чашку, но остальное, что бы ни ел, всего должен съесть по семи кусочков. Невеста, как и при засватании, лежит, укрытая, вблизи матери.

После угощения все присутствовавшие разъезжаются по своим чумам с тем, чтобы вновь встретиться здесь в день, назначенный для свадьбы, когда будет окончательно готово приданое. Приданое, конечно, должно соответствовать калыму, но для изготовления его не потребуется слишком много времени, так как обычно большая часть его готовится заранее. Поэтому и свадебное торжество совершается чаще всего через несколько дней.

Снаряжать приданое отец невесты начинает со следующего же дня после отъезда гостей. В первую очередь готовят сани. Кроме женских санок, каковые являются личным экипажем молодой и потому представляют собой основную часть приданого, снаряжаются грузовые санки (вандак), число которых зависит от размеров приданого. Упряжь женских санок приготовлена заранее, она сделана из лучшего материала и украшена ровдугой, окрашенной суриком в красный цвет. Для грузовых санок пользуются обыкновенной упряжью, но той которая поновее. У богатых все олени, впряженные в свадебный поезд невесты, снабжены колокольчиками. При нормальном среднем калыме обычно отец невесты в числе приданого не дает за дочерью живых оленей, кроме трех быков, являющихся упряжными животными ее женских санок. Даже — мюдэнси, т. е. те олени, которые в „анасе“, привязываются к впереди идущим саням и следуют

в свадебном поезде с грузом, по доставлении его, возвращаются к отцу невесты. Надо отметить, что и при большом приданом очень редко случается, чтобы за невестой дали живых оленей. Обычай требует, чтобы молодая не привела с собой оленей, а привезла как можно больше мяса. Количество санок, груженных тушами, укладываемыми по две на каждые санки, находится в прямом соответствии с размерами калыма. Поэтому, приготовив сани, отец сейчас же приступает к умерщвлению и свеживанию оленей. При убое пол животного — будь то важенка или бык, роли не играет, выбирают лишь тех, которые пожирнее. Эти олени носят название — хантьер. Санки с их тушами привязываются к саням невесты, а последние в свою очередь к санкам жены свата.

Во время этих подготовительных работ тестя, сват, добросовестно выполняя принятые на себя обязательства, ежедневно навещает в чум невесты с целью лично убедиться, насколько успешно подвигаются приготовления к свадьбе.

Покончив с убоем оленей, отец невесты приступает к установке особого сооружения, называемого — „пóдом пя“. Состоит оно из двух вколачиваемых в землю палок с перекладиной наверху, на которую надевается круг из снега — „сий сыр“. Устанавливается „пóдом пя“ по направлению к востоку от чума, т. е. к восходу солнца, так как поезд невесты направляется на восток, проезжая под „сий сыр“.

Как только приданое заготовлено, уведомленный об этом сват вместе с женихом, его родственниками и гостями отправляются в чум невесты.

По приезде гостей отец невесты душит телку. Этот олень называется — „подоиган“ и приносится в жертву для счастья новобрачных. Кровью его обмазывают снежный круг и поперечную перекладину „пóдом пя“. Череп этого оленя на землю бросать нельзя, его вешают на „пóдом пя“. Мясо жертвенного оленя в чум, конечно, не вносится, так как чум — нечистый, поганый. Это мясо и варить нельзя; оно должно быть съедено только сырым. Обычно угощение этим мясом совершается у „пóдом пя“, причем в еде принимает участие и жених. Остатки несъеденной жертвы он забирает с собой, укладывая их на самые задние санки, где сложена одежда, постели и пр. Такие санки, в зависимости не от формы их, а от груза (одежда, постели), который на них перевозится, носят название — югны.

Конечно, собравшиеся гости не довольствуются мясом, съеденным у пóдом пя, и дальнейшее угощение происходит в чуме. На столиках появляется вареное мясо, масло, сахар и пр. Для этого угощения не требуется нового заклания и гости довольствуются имеющимся запасом. Если их являлось больше, чем ожидали, и мяса не достает, то в таких случаях заимствуют из приданого невесты. Прибывшие гости, как это имело место

и при первом посещении, располагаются на одной половине чума, а семья невесты и жениха — на другой. Почетное место занимает сват, около него усаживаются родители невесты и жених. Что касается невесты, то она попрежнему лежит укрытая одеждой. Наконец, все наелись и напились. Сват с женихом выходят из чума и направляются к своим санкам. За ними следуют остальные гости. По выходе гостей из чума невеста подымается и ее наскоро чем-нибудь покормят, а тем временем жена свата и мать невесты запрягают свои и невестины санки. Покончив с упряжкой, они же одевают невесту и выводят ее под руки из чума, укладывают на санки и закрывают покрывалом. Сани невесты запряжены двумя быками и привязаны, как уже говорилось, к санкам жены свата. Кроме того, к санкам невесты цепочкой (анас) привязаны все те грузовые сани, которые идут с приданым невесты. Гости или, по крайней мере, большая часть из них принимают участие в свадебном поезде и из чума невесты отправляются в чум жениха. При отъезде направляются на восток и, заехав по солнцу, проезжают между поставленными палками через подом пя. Мать невесты сопровождает дочь и первую брачную ночь проведет в чуме жениха около дочери. Отец также принимает участие в поездке, но после традиционного угощения возвращается домой. Порядок шествия таков. Впереди едет жених; за ним отец, мать и гости жениха. Затем следует сват, а за ним жена свата с невестой и приданым, за нею ее мать и остальные гости. Иногда отец невесты, памятуя об отживших обычаях, шутки ради, подговорит кого-нибудь из знакомых остановить свадебный поезд, преградив путь невесте. Согласившийся выскакивает внезапно при приближении свадебного кортежа из засады и, схватив возжу передового оленя жены свата, останавливает невестин поезд, требуя выкупа. Сват, едущий впереди и заметивший, что с анасом, который ведет его жена, что-то случилось, направляется к ней. Узнав о причинах остановки, он быстро поворачивает назад, догоняет жениха и сообщает ему о требовании выкупа. Иногда подобного рода эпизоды заканчиваются дракой. Случается это, когда жених, обиженный тем, что его не предупредили о предстоящем расходе, не желает терять на свадьбу еще одного оленя. Чаще, однако, он соглашается дать выкуп и это свое обязательство непременно выполнит. Этот выкуп дается живым теленком и называется — „инемня-мада“. После того как неожиданное препятствие с импровизированной засадой ликвидировано, свадебное шествие продолжается в прежнем порядке. По прибытии к чуму жениха, внутрь чума входит сначала лишь жена свата и кладет предназначенную для невесты оленью шкуру — постель. Затем, вводит невесту и укладывает ее на эту постель. Вслед за ними шумною толпою входят гости. Иногда они до такой степени наполняют чум, что жених, которому не хватило места, вынужден оставаться вне его. Если рядом стоит чум, то он отправится туда и пробудет в нем до разъезда гостей.

Тотчас по прибытии гостей жених умерщвляет телку, также называемую „түсөй“. Она противопоставляется тому оленю, которого гости ели в первый раз у отца невесты. За этим свадебным столом распоряжаются родственники жениха — мать и другие женщины, а сват и его жена лишь помогают ухаживать за гостями. Предметами бесед на этих пиршествах являются новости, привозимые из факторий, воспоминания о различных свадебных эпизодах и проч.

Проводив гостей, молодой хозяин укладывается спать рядом с невестой, по другую сторону которой ложится ее мать. При тесноте помещения и многочисленности семьи, родители жениха устраиваются у двери ближе к поганому месту, предоставляя молодым четверть чума у переднего угла.

Если семья жениха зажиточная и у него уже имеется отдельный чум, то в эту ночь на одной половине останется он с невестой и ее матерью, а на другой устроится сват со своей женой.

Вопроса о целомудрии невесты теперь не поднимают. Предполагается, что поведение ее было выяснено женихом до того, как он уполномочил свата на переговоры. Тем не менее сохранились некоторые пережитки, связанные с вопросом о девственности невесты. Так, в некоторых семьях мать новобрачной после первой ночи показывает старухам брачную постель, которую те разрывают на части. Делается это для того, чтобы иметь реальное основание требовать от жениха вознаграждение оленем за сохраненную невестой невинность.¹

В противоположность требованию матери расчетливый и уже затронутый влиянием культуры жених, желая избежать уплаты, склоняет иногда невесту заявить о том, что в чум к нему она приехала уже не будучи девушкой. Бдительная теща, оставаясь около дочери, редко позволяет себя обмануть.

Утром мать с дочерью снова возвращаются к себе. Перед отъездом жених должен привязать к санкам тещи оленя, носящего название — мюдумпуй. Этим оленем он выражает благодарность за целомудрие молодой.

Как только теща получит мюдумпуя, сват вручает ей съядая, по которому был принят калым, и на этом роль свата заканчивается. Съядая теща привезет к своему чуму и кто-либо из мужчин положит его в священные санки.

Если не предполагают перекочевывать и если вообще нет спешки, жених приезжает в чум невесты лишь два-три дня спустя. С собой он приводит в подарок тестю семь или дважды семь боговых оленей — хэгнин ты, —

¹ Об этом обычае упоминает П. С. Паллас, приписывая его остякам. Паллас, т. IV, стр. 69.

предназначаемых для запряжки в священные санки, имеющие обязательно семь копыльев. На этих боговых санях перевозятся родовые предметы культа. При калыме до 30 оленей для священных санок уделяется не более двух-трех оленей. Являясь чем-то непреложным, хэгнин ты в счет калыма не входят, о них даже и разговора не ведут. Кроме этих оленей, жених пригоняет еще теленка (хэгнен кан), которого душит у священных санок тестя и кровью которого мажет бока посвященным оленям. Актом „помазания“ животные переходят в разряд священных и приобретают новое название — хэвутава ты. Ни в какую другую упряжку употреблять их не полагается, умерщвлять для еды тоже нельзя — грех. В долг дать можно. Что касается жертвенного теленка, то череп его вешают на палку, воткнутую в землю тут же у священных санок, а мясо, употребляемое в пищу лишь в сыром виде и при том только мужчинами, в чум не вносится и жених его не ест. Остатки забирает тесть.

После жертвенной трапезы все присутствующие входят в чум, где новобрачная впервые выступает, как жена, ухаживая за своим супругом и угощая его чаем. Обычно жених остается ночевать у тестя, а на другой день утром молодые, уже как муж и жена, отправляются в свой чум.

Перед отъездом новобрачных тесть душит важенку или быка, которыми и угощает отъезжающих. Остатки этого оленя, носящего название — мядинсэй, сколько бы их ни оказалось после утреннего, так сказать, завтрака, молодожены увезут с собой, захватив также и шкуру.

Специальных обрядов прощания, проводов при расставании матери с дочерью, нет. Лишь иногда поплачут при отъезде.

По возвращении к себе в чум молодые отпускают свата и его жену, причем одаривают их в соответствии с размерами калыма.

При калыме в 70—100 оленей жених подарит свату важенку, а невеста — быка. При 50 оленях сват получает от жениха телку, а от невесты — бычка. При калыме в 30 оленей жених и невеста дадут свату по постели. Когда калым менее 30 оленей, жених дает постель, а невеста — камысы (шкурки с ног оленя). На долю жены свата, помимо чашки, из которой ел жених и которая представляет собой не что иное как приобретенную в фактории эмалированную чайную полоскательницу, приходится еще постель и камысы, а иногда одни только камысы.

Отъездом свата завершается круг брачных церемоний, и жизнь вступает в обычную колею.

Оставив родительский кров, дочь навестит стариков не ранее, чем через год. Если будут стоять чумами рядом, она прогостит несколько дней. При некоторой отдаленности стоянок пробудет день, или даже несколько часов. Возвращаясь к мужу, молодая, в зависимости от размера внесенного за нее калыма, увезет с собой ягушку, заготовленную за это время родными, передового быка для своих санок, а иногда и нескольких оленей.

Только с этого момента начинается как бы постепенное возвращение калыма живыми оленями. Кроме того, провожая гостившую у него дочь, отец обязательно задушит оленя, половину туши которого, по завету предков, положит к ней в санки, а другую оставит у себя.

Приходилось встречать женщины пятидесятилетнего возраста, ежегодно посещавших родителей с целью получения освященного обычаем очередного оленя. Нередко случается, что за долгий срок супружества дочери, материальное благосостояние ее родных сильно изменяется к худшему. Тем не менее дочь с этим не считается и, желая уберечь себя от нареканий в семье мужа, продолжает ездить к отцу, настаивая на выдаче того, что ей полагается.¹

Стремление не нарушать порядка описания свадебного обряда, не давало возможности остановиться на том, что именно и каким образом записывал сват при переговорах о калыме.

Возвращаясь к упомянутому моменту, проследим записи, произведенные сватом на его ядопти.

Если уговор касался калыма в 40 оленей, сватом делаются следующие поперечные надрезы-полоски.

Десять полосок — это важенки — найвогы яркы (головные, впереди идущие). Затем, немного отступя, надрезается девять таких же полосок, как и предыдущие и одна меньших размеров. Девять полосок это — важенки — пуняку яркы (сзади идущие, следующие), а десятая означает годовалого бычка (лончака). Далее, через промежуток следуют восемь равных полосок-надрезов — восемь важенок — ёрье яркы (средние) и маленький надрез, который означает годовалого бычка, идущего с этими важенками. Наконец, после следующего промежутка делается девять надрезов: семь больших и два маленьких, причем между последними двумя оставляется некоторый промежуток, показывающий, что это не однородные надрезы, а имеющие каждый свое самостоятельное значение. Семь полосок это семь важенок — пудона яркы (последние). Первый маленький надрез воспроизводит годовалого бычка, идущего с этими важенками, а второй, таких же размеров, надрез означает теленка, которому еще не исполнился год. Два быка, возглавляющие калым — ты найво (головные оленя), на палке ядопти не отмечаются. Таким образом, составилось стадо

¹ Таким образом, имеющиеся в литературе, оправдывавшие существование калыма, общее указание на то, что часть его немедленно возвращается обратно, не совсем точно и к самоедам отнесено быть не может. Прежде всего потому, что у них калым уплачивается живыми самками, а в приданом невесты главной составной частью являются оленья туши. Кроме того, калым вносится большей частью сразу полностью, а то, что может быть названо возвратом, происходит постепенно на протяжении долгого ряда лет, в связи с ежегодными посещениями замужней дочерью своих родителей, когда отец, в форме подарка, обязан, соблюдая обычай, уделить ей хотя бы одного оленя.

в 40 оленей; из них два быка, тридцать четыре важенки, три бычка и один теленок.¹

Итак, калым в 40 оленей, изображенный нарезками на палке, может быть выражен следующей формулой: 40 оленей = 10 важенок + [9 важенок + 1 бычок] + [8 важенок + 1 бычок] + [7 важенок + 1 бычок + 1 теленок] = 34 важенки, 3 бычка, теленок и два быка, не отмечаемые на ядопти.

Калым в 50 оленей представится в таком виде: 50 оленей = 10 важенок + 10 важенок + [9 важенок + 1 лончак] + [8 важенок + 1 лончак] + [7 важенок + 1 лончак + 1 теленок] = 44 важенки, 3 лончака, теленок и два быка, не отмечаемые на палке. В этом составе 1-я группа называется — найвогы яркы, 2-я пуныкү яркы 3-я — ёрье яркы, 4-я — пудоны нерякуй яркы и 5-я — пудоны яркы.

Калым в 70 оленей составит из 70 оленей = 10 важенок + 10 важенок + 10 важенок + [9 важенок + 1 лончак] + [8 важенок + 1 лончак] + [7 важенок + 1 лончак + 1 теленок] + [6 важенок + 1 лончак + 2 теленка] = 60 самок, 4 годовалых бычка, 3 теленка и два быка, не отмечаемые на палке и т. д.

Останавливаясь на этих вычислениях так подробно потому, что в русской литературе в многочисленных упоминаниях об уплате калыма оленями, как это ни странно, нигде не встречается указаний ни на порядок уплаты, ни на то, что таковая производится обязательно важенками (самками).²

В состав каждого калыма непременно входят два быка и один теленок. Что касается лончаков, то число их варьирует. Однако, стремятся, чтобы количество быков, лончаков и телят было по возможности в определенном указанном соответствии, так как от этого зависит плодородие как новой брачной пары, так и оленей, составляющих калым.

По твердому убеждению хасово самый акт выплаты калыма является делом чрезвычайно важным, могущим повлечь за собой весьма серьезные последствия. Выделом из стада нескольких десятков самок можно не только ослабить хозяйство, но и потерять свое счастье. Недород и неудачи могут

¹ Всего взрослых оленей в этом стаде тридцать шесть голов. Эта цифра и дала повод некоторым путешественникам отметить, что у самоедов при уплате калыма счет идет не на русский десяток, а на самоедский, равный девяти единицам. По самоедски девять — хасово ю — самоедский десяток, а десять — луце ю — русский десяток. В настоящее время при ином размере калыма число взрослых животных не всегда бывает кратным девяти. Очевидно, практиковавшийся ранее старинный способ исчисления калыма постепенно с изменением религиозных верований вытеснялся необходимостью соблюсти в группах определенное соотношение между важенками и молодым, в силу чего и общий итог голов не всегда равен полному числу десятков.

² Желательно было бы выяснить, не сохранилось ли следов такого же обычая у степных кочевников, так как трудно предположить, что самоеды выработали свой, только им присущий, порядок уплаты калыма.

довести до полной потери стада, между тем как тесть, получив калым, начнет стремительно богатеть. В таких случаях пострадавший прибегает к помощи шамана, который во время камлания дает точное описание отличительных признаков того оленя, который был включен в калым и отсутствие которого в оставшемся стаде послужило главной причиной неудач. Окрыленный надеждой вернуть былое благополучие, зять спешит к тестю и с некоторой надбавкой выменивает заветного оленя. Отказа в выдаче последнего обычно не встречается, но и надежды на возврат бывшего счастья редко осуществляются.

Помимо оленей, часть калыма уплачивается песцами. При 30—40 оленях полагается 10 песцов, на 50 голов скота приходится от 10 до 20 песцов, при калыме в 70—100 оленей — до 70 песцов. Шкурки песцов могут быть заменены крестоватиком или просто оленьими шкурами. При платеже в десять песцов — последних собственно будет не более двух-трех, остальные же заменяются из следующего расчета. Шкура песца равна двум-трем крестоватикам, двум-трем норникам, равна одному черному выпоротку, равна двум серым выпороткам, равна двум или одному неблаю. Условия, касающиеся этой части платежа, заключаются словесно и на ядопти не записываются.

В настоящее время при переговорах о калыме вопроса о деньгах не поднимают, тогда как раньше обязательной являлась частичная уплата калыма деньгами, а именно: при калыме в 10 оленей размер вносимой суммы равнялся 10 рублям, а при 20—30 оленях — 20 рублям и т. д. Эти деньги шли исключительно на уплату отцом невесты податей — ясака.

Состоятельный самоед при уплате калыма к оленям, песцам и деньгам добавляет иногда шкурки лисиц и голубых песцов.¹

Чтобы яснее представить себе всю картину мензовой сделки в том виде, как она практикуется сейчас, укажем, что при калыме в 30 оленей тесть даст сани для невесты и двое саней, груженных тушами. При калыме в 40 оленей помимо невестиних санок и санок с тушами тесть на санки жениха положит в качестве приданого постель для молодой и новую ягушку для жениха. При калыме в 50 оленей отец невесты должен дать, кроме невестиних санок, еще четверо санок, на которые положит по полторы-две оленьих туши, причем каждая туша будет прикрыта постелью (шкурой), с нее снятой. Кроме того, невеста привезет с собой в приданое (игэдсэй) половину чума. При калыме в 70 оленей санок груженных тушами будет шесть. При 70—100 оленях в состав приданого войдет целый чум, хотя и не новый, но и не старый. При калыме в 150 оленей, невеста явится

¹ А. И. Дмитриев-Мамонев и К. М. Голодников (стр. 39) — указывают, что „лисиц шкурки — белодушки, сиводушки или чернобурые должны быть обязательно в каждом калыме“. В настоящее время у тундренных самоедов, даже и у состоятельных, лисиц шкура в калым включается редко.

с полным оборудованием несложного самоедского хозяйства, главную составную часть которого представляют котел, чайник и пр.

Путем опроса значительного числа самоедов можно с уверенностью установить, что при заключении брачных сделок в Обдорском и Тазовском районах женщина или, иначе говоря, женская „душа“ оценивается не менее как в десять оленей, а в устье Енисея среди бедняцкого населения цена уменьшается до пяти оленей. За этот калым, т. е. за пять-десять оленей, отец даст за дочерью только ту одежду, которая на ней, и санки, но без оленей. Все же одного жертвенного оленя он убьет и соорудит по́дом пя. При пяти оленях по́дом пя не устанавливается и на угощение оленя не умерщвляют.

Калым соразмеряется также с достоинствами невесты и зажиточностью брачующихся. В состоятельных семьях считается зазорным продать и приобрести невесту по дешевой цене. Могут предположить, что она взята с какими-нибудь недостатками или что жених обеднел. Малоимущий, наоборот, стремится к тому, чтобы неизбежная на приобретение жены затрата не ослабила хозяйства. В то же время он старается остановить свой выбор на такой женщине, помощь и усердие которой могли бы послужить поднятию благосостояния семьи.

К достоинствам невесты относятся молодость, красота, здоровье, трудоспособность и лишь на последний план ставится вопрос об ее приданом.

Отсрочка платежа калыма допускается только на один год, при этом в третьей или половинной доле. На это время и выдача части приданного задерживается.

В редких случаях самовольного выхода замуж, наблюдаемого в тех районах, где самоеды подверглись сильному влиянию русских, отец невесты лишается калыма. Впоследствии, однако, когда состоится примирение родителей с дочерью, муж считает себя обязанным, хотя и в меньшей мере вознаградить отца за увод дочери.

Свадебный обряд в том виде, как он описан, сохранился до сих пор у кочевников приполярной тундры между устьями Оби и Енисея.

У некоторых групп самоедов наблюдаются отступления и изменения. Игнорирование обычая и несоблюдение некоторых обрядов происходят прежде всего благодаря кризису, переживаемому хозяйством северного туземца, и самоед под давлением чисто экономических причин вынужден уклоняться от соблюдения дедовских традиций. Кроме того, свадебные церемонии упростились и видоизменились среди тех номадов, которые были крещены (район р. Таза), и находились под бдительным надзором миссионеров. Так, невеста во время свадебных пиров, во многих семьях уже не лежит, укрытая ягушками, а сидит рядом с женихом, хотя попрежнему участия в еде не принимает. Там, где практикуется церковное вен-

чание, как у самоедов бывшей Архангельской губернии, обряд воспринял много русских и зырянских черт. Конечно, и ближайшие соседи самоедов, остяки в особенности, не могли не внести своих верований и взглядов.

Рассмотрение заимствований и влияний едва ли выполнимо сейчас в виду незначительности собранного исследовательского материала.¹

Зато, нельзя пройти мимо ярко выраженных в описанном обряде архаических черт, отразившихся на форме заключения брака и не только говорящих о былом положении женщины, но и объясняющих отчасти теперешнее к ней отношение мужчины.

Путешественники, уделявшие в своих описаниях несколько строк свадебным обрядам, отмечали большей частью их немногосложность и, игнорируя совершенно религиозную сторону, указывали на то, что брак у самоедов имеет преимущественно социальное значение, являясь простой формой купли, заменившей похищение невесты.

Между тем, с развитием религиозных воззрений брак у самоедов как мы видим, приобрел характер священного обряда, сопровождающегося целым рядом жертвоприношений, носящих свои особые названия.

А так как предметом мистически-религиозной рефлексии—как говорит Г. Кунов—становятся только те брачные правила, которые приобрели известное значение для общественной жизни,² то, следовательно, изучая сохранившийся священный обряд, мы ознакомимся с тем, что имеет или имело некогда общественное значение.

В самоедской свадьбе прежде всего останавливает на себе внимание жертвоприношение (хэгнен кан) жениха, приносимое им не своим богам, а богам невесты и совершаемое им же посвящение жертвенной кровью определенного количества оленей, предназначенных для перевозки родовых богов невесты. В этих актах нельзя не усмотреть стремления жениха умилостивить и компенсировать родовых богов невесты за душу ее, переходящую в другой род. Высказанное предположение приобретает еще большее вероятие, если сопоставить его с приведенным ранее обычаем принесения жертвы при рождении ребенка, где ясно выявляется представление самоедов о том, что души человека и оленя равноценны.

Подробности, сопровождающие принесение в жертву „хэгнен кан“ дают основание высказать еще и другое предположение.

Невеста после первой брачной ночи обязательно возвращается домой и здесь только после упомянутого жертвоприношения ее богам она впервые прислуживает мужу как жена. Кроме того, муж несмотря на предшество-

¹ Л. Я. Штернберг говорит, что „по отношению к институту брака и ритуала свадьбы этнография все еще находится в периоде, если можно так выразиться, первоначального накопления, периоде собирания“. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, в. I, Л., стр. 6.

² Г. Кунов. Происхождение брака и семьи, М., 1923, стр. 52.

вавшие свадебные пиры, казалось бы завершившие свадьбу, считает себя обязанным, хотя бы одну ночь провести в чуме невесты, после чего только молодые уезжают к себе, как муж и жена. Во всем этом можно усмотреть следы существовавшего некогда у самоедов матриархата и обычая, в силу которого жених должен был известное время пробыть в чуме тестя дабы, в виде вознаграждения за свой труд, приобрести право увода жены в родственную ему группу.¹

Подтверждением мысли о существовавшем некогда у самоедов обычая ввода мужа в группу невесты и пребывания его в жилище тестя может служить отчасти и то, что в состав приданого входят жилище с предметами домашнего обихода и олень туши, являющиеся главной составной частью свадебного поезда невесты, равно как и та половина туши (мядинсэй), которую тесть дает новобрачным, отпуская дочь уже как жену чужеродца.

Высказанное предположение усматривается отчасти и в обычае, предписывающем жениху брать в свой чум невесту в сопровождении матери, которая проводит первую брачную ночь рядом с дочерью.²

Не успели стухнуть и изгладиться одни обычаи, как на смену им явились новые, в свою очередь подвергшиеся той же участи. Остатки прежних верований смешались с последующими и образовали сложный комплекс наслоений.

Следы матриархата и обычая отработывать себе жену тесно переплелись с пережитками обычая похищения невесты и сопутствующей ему уплатой выкупа.³

Последнее подтверждается сохранившимся и поныне подражанием борьбы за невесту (нём нямбы) и уплатой выкупа — нёнталма, а также импровизированным преграждением пути свадебному поезду с последующей выдачей отступного — инемия мома.

Пережитки насильственного приобретения жены, упорно существующие у многих народов, метко охарактеризованы Гроссе, указывающим на то, что „игра в похищение невесты своим распространением не в малой

¹ В самоедском языке имеется слово — тага, обозначающее человека, временно проживающего в чужом чуме, а также того, который взамен калыма отработывал себе невесту. В соответствии с этим встречается старинное прозвище — тагако, — дававшееся ребенку, рожденному от тага до брака. Существуют еще имена: таги и тагнй, даваемые детям, родившимся во время пребывания их матерей в чужих чумах.

² Изречение Краулей о том, что „теща избегается именно потому, что она — теща“ в самоедском быту не применимо, так как значение женщины в семье слишком ничтожно и мать жени не может играть какой бы то ни было роли.

³ Формы исчезнувшего брака, наделавало, конечно, проследить в родственных названиях, но это значительно загромодило бы и без того разросшуюся работу и отклонило бы в сторону от намеченного плана. Кроме того, выполнение этой задачи все же не дало бы полной картины, так как изучение самоедских родов, как было указано, намечается в одной из следующих работ.

степени обязана еще и тому обстоятельству, что она удачнейшим образом воплощает первоначальную сущность брака — освобождение женщины из-под опеки отца и подчинение ее власти мужа“.

Но жертвоприношения и пиршества, сопровождающие свадебный обряд самоедов, показывают, что подчинение жен не у всех народов одинаково. Относительно свадебных пиров Н. Харузин говорит, что они обязаны своим происхождением и развитием умилоствительным жертвам душам предков за ввод в группу чужеродки, а также пиршествам, возникшим „на почве примирения двух групп, когда похититель или его группа старались умилоствить группу похищенной женщины пиром“.¹

В свадебном ритуале самоедов не усматривается обрядов, указывающих на стремление приобщить женщину к культуре группы мужа. Наоборот, как уже отмечалось, жених приносит умилоствительную жертву невестным богам, а не своим „за ввод чужеродки“, что, собственно, вполне и понятно, так как чужеродка, приобщенная к родовому культу, сделалась бы полноправным членом семьи, рода; при существующем у самоедов родовом строе этого нет и быть не может.

В описанном свадебном обряде трудно найти также следы, указывающие на желание умилоствить группу похищенной женщины. Наоборот, во время приема родных жениха будущий тесть, как представитель группы невесты, первым устраивает пир и умерщвляет жертвенного оленя (тюзей), сам его не ест, а остатки забирают гости. Кровью этой жертвы освящается съядай, по которому принимался калым. И только позже, когда свадебный поезд приезжает в чум жениха последний отвечает одноименной жертвой.

Причину отсутствия в свадебных пирах самоедов даже пережитков обычая умилоствления рода невесты за похищение надлежит искать в самой сущности их калыма и междуродовых отношениях.

Когда покупка невесты не является самостоятельно развившимся обычаем приобретения себе жены, а представляет компенсацию за совершенное похищение, калым является не меновой ценностью за женщину и равен как известно, плате за кровь утраченного члена семьи, рода.

В связи с этим и стоимость, за которую покупается невеста, находится в зависимости от того, имеет ли данная народность определенную меновую единицу или нет. У оленеводов потеря невесты, как рабочего члена семьи при развившейся алчности к скоту, возмещается соответствующим количеством оленей, являющихся до сих пор как бы твердой валютой. В туземном обиходе олень и по сей час служит меновой единицей и равен песцу, равен ягушке (женской верхней одежде), равен

¹ Н. Харузин. Семья и род, в. II, СПб., 1903. История развития брака, стр. 291.

санкам в тундре, равен 100 рыбам одного сорта, равен 40 рыбам другого сорта и т. д.¹

Самоеды в сущности вполне последовательны, говоря что калым идет в уплату за „душу“ невесты, условия же о соответствии размеров его с количеством приданого и пр. появилось, конечно позднее.²

При таком взгляде на калым вполне понятно, почему самоедская свадьба не выявляет вовсе обрядов, имеющих целью урегулировать брачные отношения и избежать столкновений между родами мужа и жены. Столкновений быть не может. Женщина куплена и за душу ее уже заплачено.

Вот почему к завершению, кажущегося со стороны простой торговой сделкой, акта уплаты калыма присоединился сложный, выработанный веками и окутанный рядом религиозных представлений, суеверий и пр., пышный церемониал. Вот почему не лишена веских оснований, с точки зрения самоедов, вера в то, что выдача калыма как покупка чужой души может оказаться фатальной и повлечь за собой потерю своего счастья, своего благополучия. Самый акт уплаты калыма, т. е. выдача и прием оленей, обставляется особой торжественностью, при обязательном условии, чтобы все предназначенные для этой цели олени были пойманы издревле практикующимся способом, а именно: арканом, так как неводить их — грех. Считают необходимым оформить меновую сделку, причем документ, ее подтверждающий, освящают жертвенной кровью, после чего он является не только документом, но и священным предметом, ибо имеет изображение божества. Мало того, на нем отмечается последовательное шествие самок в определенном строго выработанном порядке, а именно, в сопровождении либо лончаков, либо телят. Здесь мы, без сомнения, сталкиваемся с областью „магии“, т. е. той веры, которая на известных стадиях развития до сих пор еще имеет огромное значение в особенности, когда вопрос касается не только плодородия калыма в смысле имущественного благополучия, но и плодородия самих брачующихся.

К области верований в магию очевидно относится и сооружение подом пя с соответствующей жертвой и ряд других деталей обрядовой стороны самоедской свадьбы. Выяснить на месте, для чего собственно устанавливается подом пя не удалось. Приходилось лишь слышать, что многие из гостей-удальцов, имея в своей запряжке четырех и даже пять оленей, запряженных в ряд, стремятся во время свадебного шествия про-

¹ По аналогии припомним, что в Греции во времена героического периода женщина расценивалась по быкам, которые имели тогда большую ценность. Некоторые африканские племена покупают себе жен в обмен на коров, так же как это делали древние индусы.

² Некоторые, в том числе и Кастрев, пытались объяснить происхождение калыма вознаграждением за воспитание невесты, которая оплатила бы работой свое содержание, но калым нередко получают те, кто никакого участия в воспитании девушки не принимал и прав на ее труд не имеет, например, братья, дяди, опекуны и т. д.

лететь под подом пя как можно быстрее (словно пуля), не касаясь шестов. Задеть подом пя считается плохим предзнаменованием для новобрачных.

Уплатив за кровь жены и удовлетворив, таким образом, ее родичей, умиловитив ее богов и совершив остальные традиционные обряды, самоед считает, что тем самым все расчеты окончены и приобретенная чужеродка всецело является его собственностью. Положение это настолько ясно, что ни один из обрядов не подчеркивает символически подчиненность жены. Здесь нет места символическому. Она не нужна. Жена — раба.

Трагизм положения женщины заключается не только в том, что так думает муж, ее купивший. Вследствие связи, соединявшей когда-то родичей, приобретенная жена считается также собственностью рода или семьи, в которую ввел ее муж. Эта тесная связь члена группы с своей группой и объясняет ту особенность, свойственную народам, стоящим на низших ступенях развития, в частности и самоедам, что героями торжества являются представители рода жениха и невесты, а не сами брачующиеся.

В тяжелой борьбе за существование семейная община, равно как и отдельные члены ее, являются естественным образом заинтересованными в том, чтобы вновь приобретенный член группы оставался в ней и способствовал возможно большему созданию ценностей. Эта заинтересованность группы закрепила правовые нормы, поставившие женщину в исключительно тяжелое, в смысле полной и унижительной зависимости, положение. Таким образом, экзогамия, агнатический родовой строй и вира уже предопределяют до известной степени незавидную долю женщины, как жены.

О положении жены Г. Кунов говорит, что „оно покоится не на правах, связанных с определенным именем, но на значении ее функций для создания средств жизни, для общественного существования“.¹

Действительно, переходя к описанию условий, в которых протекает жизнь женщины в новой семье, по выходе ее замуж, приходится отметить, что полный презрения взгляд на жену, находящий себе поддержку в существовании агнатического родového строя и соблюдении экзогамии, является следствием, главным образом, производственных отношений.

Обычное разделение труда по полам, формулируемое фразой: „мужчина приобретает, а женщина сохраняет“, равно как и указание на то, „что мужчина достает животные пищевые продукты, а женщина растительные“ (Мюллер-Лиер), к приполярным обитателям мало применимы.

Нельзя также сказать, что в круг обязанностей, выполняемых женщинами, входят исключительно такие, которые требуют присутствия ее в чуме или допускают отлучки на небольшое расстояние, а мужчинами выполняются работы, связанные с более продолжительными отлучками. При таком

¹ Г. Кунов. Происхождение брака и семьи, М., 1923, стр. 93.

делении труда вязание сетей и починка их, приготовление веревок из мочалы, сучение ниток для неводов и проч. должны бы быть отнесены к женским занятиям, а между тем, по понятиям самоедов это — чисто мужской труд.

Правильнее будет поэтому говорить о работах, исполняемых преимущественно теми и другими.

Основным фактором хозяйства самоедов является оленеводство, и вся активная сила мужчин сосредоточена на работах, связанных с этой отраслью хозяйства. Донт оленей самоеды не умеют и, несмотря на то, что весь быт их приурочен к требованиям оленеводства, женщина совершенно отстранена от ухода за скотом. При переходе от натурального к оленеводческому хозяйству, положение женщины не изменилось, так как рыболовство и охота у самоедов-кочевников сосредоточились исключительно в руках мужчины. Женщина не только не допущена к занятию этими промыслами, но ей даже воспрещено, как существу нечистому, приближаться к орудиям лова и охоты, тем более прикасаться к ним.

Таким образом, у самоедов в круг обязанностей мужчины входит труд по охране и уходу за скотом, включая и изготовление способов передвижения, а также рыболовство и охота. Иными словами — добывание средств к существованию, а следовательно, и приобретение всего того, от чего зависит благосостояние семьи, сосредоточено в руках мужчины. В силу этого при оленеводческой форме хозяйства, имея на своей стороне громадный перевес, мужчина относится к женщине с особым пренебрежением и, несмотря на то, что на ней лежат все тяжелые и неприятные работы, связанные с кочевым хозяйством, труд ее в глазах северногономада ценится значительно ниже мужского.

Жизнь оленевода, как скотовода, более обеспечена, чем охотника, так как стада служат источником всего того, чем ограничиваются потребности его и его семьи. Случается, однако, что олени быстро вымирают и владелец, бессильный предпринять что-либо против повальных болезней, холода, непогоды и прочих бедствий, в несколько дней превращается в ничего. Неустойчивость оленеводческого хозяйства и заставляет самоеда предпринимать все доступные для него меры по охране стада. Одной из них является недопущение к оленям жены и как женщины и как чужеродки. Да она и сама, боясь навлечь несчастье, не примет участия в охране стада, в охоте и рыбной ловле.

К преимущественно мужским работам присоединяется также рубка деревьев в лесу, доставка их к чуму и распиловка. Однако, колка дров, рубка тальника и вообще снабжение чума топливом лежит на обязанности женщины.

При разделении труда между мужчиной и женщиной уход за жилищем и обслуживание его относится к области женского хозяйства. Чум или по-

крайней мере часть его, о чем уже упоминалось, является подобно тому, как кибитка у степных кочевников, одной из главных составных частей приданого самоедки. Таким образом в семье мужа жена, как и при матриархате, остается до известной степени хозяйкой жилища. Мужчина выбирает место для стоянки, а установкой и разборкой чума, шитьем меховых покрышек, очисткой их от снега и вообще наблюдением за целостностью и сохранностью их занята жена. Чтобы составить ясное представление о том, насколько существенны в неустанным трудовом процессе туземки работы по сооружению жилища, достаточно указать, что зимой более трех дней на одном месте не стоят, передвигаясь каждый раз не менее, чем на три—пять километров, а летом продолжительность стоянок колеблется от семи до десяти дней. Для поднятия тяжелой зимней покрышки на верх чума требуются усилия не менее двух взрослых человек. Если жена слаба, муж не откажется заменить ее или помочь ей; он же облегчит, иногда, ее работу по навалке громоздких чумовых покрышек на санки. Однако за расстановку чумовых шестов он не возьмется, не поведет и анаса (обоза) с домашней утварью — это дело женское.

Наравне с изготовлением покрышек для чума, преимущественно женским трудом, в котором муж участия не принимает, является выделка оленьих шкур и изготовление из них одежды, обуви и пр. Насколько этому вопросу придается существенное значение можно судить уже по одному тому, что известный процент браков среди самоедов заключается исключительно по тем соображениям, что некому в семье одевать мужчин и наблюдать за сохранностью чума. Жена должна принять на себя заботы по снабжению членов семьи одеждой и обувью. Помимо постоянной починки, не реже чем через два—три года необходимо для каждого изготовить новую верхнюю или нижнюю меховую одежду и ежегодно несколько пар обуви. При употреблении в продолжении всего года меховых чулок и сапог все так быстро изнашивают весной и осенью свою обувь, что на севере уход за ногами является делом очень серьезным, отнимающим у женщины значительное количество времени. В круг ее обязанностей входит не только изготовление обуви, но и наблюдение за нею. Прибывшие с рыбной ловли мужчины немедленно получают из рук женщины сухие меховые чулки и сапоги. На ночь все одевают старенькую, но высушенную и размятую руками женщины обувь, а к утру они же снова должны приготовить теплую и обязательно сухую обувь всем мужчинам, себе и детям. Не побывав на севере, трудно представить себе, как важно иметь абсолютно сухую меховую обувь. Зимой чуть влажный волос мехового чулка причиняет едва переносимые мучения так как даже при незначительном морозе нога в нем моментально обмерзает и нет возможности ее согреть, не сбросив и не высушив как следует чулок. Весной же и осенью, да и летом при обилии болот сырая и влажная обувь способствует простудным и ревматическим заболеваниям. Сушка

обуви происходит у костра и требует значительной доли внимания. Малейший недосмотр влечет за собой порчу ее: то волос спалится, то кожа сгорит и покоробится и т. д. Что касается починки, — она не переводится и заставляет женщин пользоваться каждой свободной минутой для изготовления своих рукоделий у горящего костра или просиживать долгие полярные ночи за шитьем и кройкой шкур при свете дымящегося керосинового фитиля, когда от холода сводит пальцы, а дым и копоть затрудняют дыхание, застилают работу от глаз.

Являясь хозяйкой чума и охранительницей домашнего очага, жена должна вставать раньше мужа, разводить огонь, готовить чай, а также и тушить костер, ложась последней. Естественно, что она же несет все обязанности, связанные с приготовлением пищи. Стол самоедов скуден и однообразен, тем более, что, дорожа каждой единицей своего скота, они не часто, вопреки распространенным в литературе сообщениям, позволяют себе лакомиться оленьей. Если по случаю какого-либо торжества приходится задушить оленя, или если он пал, туша его будет использована почти без остатка. Снятием шкуры и свеживанием займется мужчина, жена должна выделать шкуру, использовать для хозяйства все отбросы; из жил она изготавливает нитки, из желудка и толстой кишки — хранилища для рыбьего жира и т. д.

Приготовление хлеба в виде особого рода лепешек, называемых леска, конечно, также входит в круг обязанностей женщины.

Основным продуктом питания служит рыба. Питаясь почти без хлеба весной, летом и осенью рыбой и делая запасы на зиму в сушеном и вяленом виде, самоеды уничтожают ее в невероятном количестве. Заготовка рыбы в прок — одна из самых тяжелых обязанностей женщины летом. С раннего утра и до поздней ночи, а иногда бодрствуя и по ночам, благо что в это время года солнце не заходит, сидит она на земле с вытянутыми ногами и работает, не разгибая спины, так как ежедневно должна во что бы то ни стало закончить чистку всего добытого запаса рыбы. К вечеру привезут свежий улов. И так изо дня в день в течение всего рыбного сезона. Лишь с наступлением заморозков, когда пойманную рыбу можно сохранять в мороженом виде, женщина освобождается от своей изнурительной работы, но на очереди стоит уже новая — выделка шкур и приготовление одежды, так как с этого момента начинаются благодарственные жертвоприношения по поводу окончания летнего сезона и убой оленей, шкуры которых предназначены для одежды.

Таким образом, круг обязанностей жены неисчерпаем и только исключительная выносливость и безропотность помогают ей справляться с объемом работы.

Отзывчивый покладистый муж, если вблизи нет никого из посторонних, не сочтет для себя зазорным взяться за „бабье дело“ и помочь жене.

Он или запряжет санки и съездит нарубить тальника, так как дров здесь нет, а для вытопки рыбьего жира и приготовления заменяющей масло варки — пурсы — топлива надо не мало, или рано утром, до рыбной ловли иногда и перед сном, пока жена укладывает детей спать, молча выйдет из чума и посидит часок, другой, за потрошением рыбы.

Насколько труд по заготовке рыбы тяжел и утомителен, говорят названия некоторых озер, как источников добывания рыбы. Так у р. Юрибея, впадающей в Гыдаемский залив, имеется изобилующее рыбой озеро, носящее название Мунай. Мунай — падать. Женщина — говорит предание — настолько утомлялась чисткой обильных уловов из этого озера, что падала от усталости. Ее спрашивали: „амгы мунай“ — почему упала? От задаваемых вопросов и озеро получило название — Мунай. В другом месте тальниковая река — Неру яга — вытекает из озера — Хунтыте. Хунтыте — без старой верхней одежды. В этом озере рыба начинает ловиться ранней весной, когда женщины не в состоянии просидеть долгие часы за чисткой рыбы в обычной при работе старой поношенной одежде и принуждены пользоваться зимней теплой ягушкой. У Гыданского залива расположено озеро, носящее название — Лыдэр. Лыдэр — означает рассеянность, вызываемую переутомлением. В этом озере бывали настолько обильные уловы рыбы, что женщины, занимавшиеся чисткой ее, утомлялись до того, что начинали дремать, роняя из своих рук ножи, „обалдевать“, как говорит народ и т. д.

Можно было бы привести еще и другие названия, но полагаем, что указанные примеры служат достаточной иллюстрацией того, как отразил народ в своем фольклоре эту отрасль женского труда.

Не отличаясь особым разнообразием, домашние заботы, которыми перегружена самоедка, в значительной степени превышают количественно работу европейской женщины и женщины степных кочевников, к тому же протекают в несравненно худших климатических условиях и в более тяжелой жилищной обстановке.

Естественно, что не одними только хозяйственными функциями ограничивается роль жены. Тяготы беременности, кормление грудью и уход за детьми дают здесь значительно острее чувствовать себя, требуя большей затраты сил и энергии, чем у народов, живущих в более теплых краях. Но и помимо чисто внешних причин, задачи материнства усложняются бытовыми особенностями. Так, кормление грудью происходит обычно до того возраста, когда ребенок сам перестает сосать. Поэтому считается нормальным, когда мать кормит грудью двух детей. Не раз приходилось быть свидетелем того, как четырех и даже пятилетние ребята в перерывы между играми забегали в чум и, стоя около склонившихся над ними женщин, наспех сосали грудь.

Сделавшись матерью, жена кочевника укрепляет до известной степени свое положение в семье. С этого момента непрерывная совместная

борьба за существование усугубляется заботами о благополучии потомства и заставляет мужа, если отношения между супругами не испорчены, чаще забывать о своих предубежденных взглядах на жену и оберегать ее от непосильного труда, особенно в период беременности и кормления грудью малолетних.

Вынужденная изолированность и совместный труд приводят иногда к тому, что, вопреки практикующемуся обычаю сватать за глаза, вопреки обыкновению заключать браки, не считаясь с волею брачующихся, между супругами, на почве объединенного труда, устанавливаются прочные товарищеские отношения.

Появление детей у таких супругов ведет к укреплению брачных уз, а стремление всячески облегчить друг друга в работе способствует созданию мирной семейной обстановки и вместе с тем более сносных условий существования туземной женщины — покорной жены и бесправной матери.

Уже отмечалось, что муж, несмотря на господство в производстве и во владении, все же часто вынужден браться за женскую работу, видя ее обилие и опасаясь, что несвоевременное выполнение может грозить благосостоянию семьи. Действительно, пока не подросли дети проделать все, необходимые для существования семьи, работы возможно лишь при соблюдении самой тесной и дружной взаимопомощи. Но женщина в противоположность мужчине, в силу религиозных убеждений, ограничивающих ее право на труд, если бы даже и хотела, не всегда может прийти на помощь мужу.

Являясь нередко единственной помощницей и советчицей мужа, энергичная, обладающая практической сметкой, женщина может приобрести власть над мужем, и последний не предпринимает никаких окончательных в том или ином деле решений без ее непосредственного участия.

При наличии таких благоприятных для хозяйки чума обстоятельств сама жизнь создает явное несоответствие между юридической, так сказать, зависимостью жены и фактическим положением ее в семье. Оно не вяжется, более того — противоречит представлению о ней, как о собственности, приобретенной из чужого рода. Такие отдельные, частные случаи налаженных супружеских отношений и давали, повидимому, некоторым путешественникам повод, касаясь вопроса о женщине, говорить об ее равноправии у самоедов.

Действительность, однако, рисуя картину подневольного, как общее правило, положения туземки, приводит к иным выводам.

Особенно тяжело складывается жизнь самоедки в случаях ее бесплодия, что заставляет мужа безоговорочно поднять вопрос о приобретении второй жены.

Тем не менее отсутствие детей не всегда является поводом для расторжения брака и отсылки жены к ее родителям. За годы совместной

жизни супруги успевают тесно сблизиться и нередко муж предпочитает оставить бесплодную жену в своем чуме, имея в ней преданную работницу, не теряющую к тому же надежды на то, что у нее могут быть дети. В тех случаях, когда неродящая жена не поладила с мужем или его родственниками, начинается самая безудержная травля человека, чтобы заставить ее вернуться к своим родителям.

В случаях единения между супругами, вполне объяснимой является на первый взгляд непонятная для европейца психологическая особенность самоедской женщины, состоящая в отсутствии, в противоположность мужчине, резко выраженного чувства ревности. Туземки, которые сами побуждают мужей взять вторую жену и тем освободить их от части хозяйственных забот, не представляют исключения.

Своеобразный взгляд на соперниц сложился, надо думать, под влиянием того, что в условиях жизни севера, при отсутствии элементарных гигиенических условий, медицинской помощи и тяжелом труде, самоедка, родившая почти подряд двух-трех детей, быстро дряхлеет, делается вялой, апатичной и только освобождение от половых обязанностей, как бы снова восстанавливает ее силы и делает под старость более энергичной.

Помимо желания иметь детей, сына в особенности, другой основной причиной, побуждающей самоеда к приобретению второй жены, являются условия кочевания и распределение труда между мужчиной и женщиной, создающие необходимость иметь в чуме не менее двух женщин-работниц. Только при соблюдении этого требования кочевник может освободиться от необходимости помогать жене и приобретает возможность сосредоточить свои силы на мужских занятиях, связанных с оленно-промысловым хозяйством. Здесь мы имеем некоторое подтверждение тому, как хозяйственные отношения влияют на форму брака.

Только в редких случаях самоед обладает тремя-четырьмя женами.

Что касается наблюдаемой теперь среди некоторых групп самоедов моногинии, то таковая является следствием не этических побуждений, а результатом экономической маломощности.

На прочное существование у самоедов двоеженства не может не влиять также отсутствие у них института женской прислуги, при необходимости пользоваться женским трудом.

В этом отношении многовековая борьба между полами завершается здесь как-будто победой женщины, которая выставляет свое твердое, кредо, выражающееся в следующем положении: даром на тебя и твою семью работать не буду, бери женой, а не наложницей.

Наряду с этим тяжелое положение женщины, как жены, ею самою не признается за рабство. По ее понятиям рабство — это подневольная обстановка, когда она должна пресмыкаться из-за куска пищи. Рабство — когда ее дети „ничьи“. В буквальном смысле слова — безродные. Рабство,

когда она не будет себя чувствовать, пусть второй, третьей, но все-таки хозяйкой чума, так как лишь при наличии этих условий она и ее дети находятся под некоторой защитой обычая, а, следовательно, и народного права.

Удовольствие обладать несколькими женами часто влечет за собой последствия, к которым даже северный номад не остается равнодушным. Если одна из жен окажется строптивой, то единственным выходом, казалось бы, является создание отдельного чума, но материальная необеспеченность и условия кочевания в тундре не многим дают возможность позволить себе такую роскошь. Чаще пользуются средствами более доступными и до известной степени более действительными. Не уклоняясь порой от способов „физического воздействия“, стараются урегулировать вопрос путем разграничения лежащих на женщинах обязанностей так, чтобы в повседневных трудовых процессах они имели как можно меньше точек соприкосновения.

Разделение труда и установление очередности предусматривают самые мелкие детали. Так, обращают внимание при постановке чума на поочередное устройство двери, закрывающейся то справа налево, то слева направо, поочередно меняются то правой, то левой половиной чума, где каждая располагает свое хозяйство. По очереди готовят пищу и ухаживают за мужем. В соответствии с этим он ест и спит то на одной, то на другой половине чума, не желая обидеть ни одну из жен. Само собой разумеется, что шероховатости, почти неизбежные при совместной жизни, в большой семье могут быть сглажены в значительной степени при некоторой выдержке мужа и покладистом, уживчивом характере первой жены.

У самоедов не принято называть взрослых по именам, особенно в их присутствии. Жена на обращенный к ней вопрос о муже скажет: „мужчина мой“ или „отец моего ребенка“, а муж о жене говорит: „моя женщина“, но никогда не произнесет ее имени. При настойчивости спрашивающего, он вместо имени укажет род, из которого она взята.¹ Что касается второй, то она, хотя и считается женой, но носит общее, ей присвоенное, название: „таты“. Дети и той и другой считаются между собой братьями и сестрами, причем мальчики всех жен, за которых дан выкуп, пользуются одинаковыми правами на наследство. Матери также не делают различия между своими детьми и детьми соперниц и одинаково любовно относятся к маленьким. Зато малолетние сироты, особенно девочки, оставшиеся от умершей жены, при наличии двух следующих, находятся обычно в каком-то заброшенном состоянии и их жизнь сводится к роли прислуги при детях старшей жены.

¹ Переписные бланки всесоюзной переписи пестрят такими указаниями, давая возможность выяснять отношения между родами.

По обычному праву, первенство, в смысле авторитета и инициативы, всегда остается за первой женой, а в случае ее смерти переходит к следующей. Первая жена — старшая, она руководит хозяйственной жизнью чума, остальные женщины ей повинуются.¹ Когда у первой жены большое количество детей, а в самоедской семье не редкость встретить детей, носящих имена одиннадцатый, двенадцатый, причем эти имена даются рожденным от одной матери, и если она не дряхла, то такая старшая жена, действительно, приобретает авторитет. Из этого, однако, не следует, что, пользуясь некоторыми преимуществами перед другими женами, она тем самым занимает по отношению к мужу самостоятельное положение; все жены, взятые за калым, одинаково бесправны.

Ответить на вопрос: чье положение лучше: первой или второй жены — затруднительно, так как бывают колебания как в одну, так и в другую сторону. Если первой присваивается некоторая доля уважения и авторитета, то за второй — молодость. В глазах же мужа обе они в одинаковой степени являются существами, стоящими ниже его. Обе обезличены, обе в полной зависимости от власти своего господина, для той и другой главной целью является желание угодить ему.

А. Миддендорф, посетивший правый берег Енисея и имевший в виду, очевидно, самоедов-тавгийцев сообщает, что „у самоедов еще и в мое время одна из обязанностей гостеприимства состояла в том, что гостю предоставлялось право свободно располагать женою и дочерью хозяина, что несколько не казалось странным“.² Впоследствии это сообщение непосредственно не опровергалось, но все же сведения о существовании гостеприимного гетеризма у приполярных обитателей подвергались сомнению, особенно по отношению к остякам (Сомье, Финш и др.).

Цитированный уже А. Г. Воронов говорит о томских самоедах, что „о праве продавать жен, закладывать или отдавать на подержание, нельзя отыскать в наших источниках никакого намека“.³

Относительно права мужа продавать жен самоеды категорически утверждают, что такового нет. Что касается отдачи жены на время, то нам известен факт, когда безоленный самоед Тазовского района Непчела Тёр или Чор уступил жену по имени Терване своему товарищу, причем одни возмущались этим поступком, говоря: „как можно отдавать свою жену на время“, другие, наоборот, ничего дурного в этом поступке не находили, указывая, что Тёр, сделавшись безоленным, самостоятельно не кочует, а потому и не особенно нуждается в жене, как помощнице, между тем как

¹ В самоедском языке имеется даже специальное слово для женщины, делающей пищу — сымбэрти.

² А. Миддендорф, стр. 630.

³ А. Г. Воронов, стр. 50.

у товарища жена больна и во время перекочевок не в состоянии ставить чум. Поэтому, уступая на время Терване, муж отдал ее с тем, чтобы она помогала больной женщине, а не заменяла ее как жену. Как правило теперь такие случаи чрезвычайно редки.

Полное имущественное бесправие женщины и развитие взгляда на нее, как на неспособную действовать самостоятельно, имеют своим естественным следствием угнетенное и приниженное личное положение. Как купленная чужеродка, она считается нечистой, поганой и во многих обычаях самоедов выражается нескрываемое презрение к ней, как к существу низшему.¹

Культовые предков семьи замкнут кругом мужчин, и жена в нем участия не принимает. Она ставит у изголовья больного ребенка изображения духов-покровителей, но не смеет вынести их из чума и донести до священных санок. Это должен сделать муж или сын. Она не только не смеет подойти к этим санкам и прикоснуться к ним, но даже не имеет права подходить близко к оленям, везущим эти санки, к их упряжи, а также к хватательному ремню, которым ловят оленей и пр.

В чуме у священного угла она не смеет перейти с одной половины на другую, а должна делать это лишь у входа.²

Женская обувь считается настолько нечистой, оскверняющей мужчин, что снабжена особым покроем и рисунком, хранится только в поганом углу, сушится у очага только со стороны двери, т. е. у входа, перевозится на поганных санках, носящих особое название — сябу, для которых предназначены и специальные поганные олени — сябуны. На этих санях помимо женской обуви перевозятся чумовые доски и прочие вещи, считающиеся нечистыми. К этим оленям и санкам мужчины не прикасаются, чтобы не потерять своего — яб — талана, счастья. Мясо этих оленей, конечно, мужчины есть не будут.

У осамоедившихся остяков, берущих жен преимущественно из самоедских родов до сих пор строго соблюдается обычай, в силу которого женщина в присутствии родственников мужа обязательно покрывает голову платком. Сложенный пополам и небрежно накинутый женой на голову платок, не только является знаком уважения к родственникам мужа, но и должен главным образом защищать их от недоброжелательных взглядов невестки, могущих взглянуть на мужчину.

Чтобы не навлечь несчастья, не вызвать падежа оленей, женщина не должна переходить дорогу движущемуся навстречу обозу, не должна

¹ О том, что самоедка, как существо нечистое, окружена рядом всевозможных табу, упоминают почти все путешественники. Так, см.: Паллас, стр. 94, Лепехин, стр. 115, Иславиц, стр. 25, 33, Шренк, стр. 407, Кастрен, стр. 312 и др.

² „Самоеды твердо уверены, что если баба вокруг весь шалаш обойдет, то в ту ночь волк неотменно съест оленя. Сне суеверие и оленные остиаки к себе приняли“. Паллас, стр. 94.

переступать через орудия охоты, упряжь и т. д. Не раз приходилось наблюдать, как хозяйка, ведущая анас и починяющая порвавшуюся в пути упряжь, не решалась, переходя с одной стороны санок на другую, наступить на постромки, а всегда подползала под ними и перекидывала их через голову.

Все оскверненные женщиной предметы входят в употребление не иначе как по предварительном их очищении путем окуривания, в противном случае мужчина, употребивший опоганенную вещь, должен ждать несчастья:

Женщина не имеет права есть жертвенного мяса, как и мяса дикого оленя, медведя и голову домашнего оленя.

Резать „красную“ рыбу поперек, а не вдоль является преступлением, на которое не отважится ни одна самоедка. Большой грех для самоедских шаманистки не только есть, но даже и прикасаться к целому налиму или щуке.¹

Если в случае голодовки, семья решит съесть щуку, то почистит ее и положит в котел мужчина, а женщина не смеет даже помешать уху, так как может нечаянно разломать ложкой разварившуюся рыбу не вдоль, а поперек и лишит, таким образом, рыболова-бедняка счастливого улова.

— Которая умная и понимающая, так она и сама знает, что ей можно и что нельзя есть, и если видит, что одно прикосновение ее, поганой, приносит всюду несчастье, так она и никакой рыбы есть не будет, чтобы спасти детей и всю семью от несчастья и голода. — Так говорил рыбак, твердо верящий в то, что есть женщины, приносящие удачу и навлекающие несчастье.

Здесь мы снова наблюдаем, как экономические условия способствовали развитию и поддержанию вокруг женщины ряда религиозных предрассудков, образовавших сложный комплекс верований и наслоений. Здесь представление о женщине, как о чужеродке, тесно переплелось с признанием у малокультурных народов особой силы, которой владеют люди и которая дает удачу и власть над окружающим, т. е. с тем, что у некоторых народов подразумевается под словом фортуна, счастье, и находится в тесной связи с верой в духов-покровителей.

¹ Река Гыданского полуострова, особенно р. Юрибей, изобилуют налимами, у которых тотчас по извлечении их из воды мужчина вырезывает печеньку, употребляемую для изготовления варки (пурсы). Остатки рыбы закапываются на берегу, а осенью, если по близости есть пасти, употребляются для приманки, так как песцы любят жирные тушки налимов. Суеверный страх перед щукой, очевидно, заимствован самоедами у остяков, считающих, что при еде щуки в женщину вселяется хозяин озер и рек — дух Куль и она должна погибнуть от вадуття живота. У самоедов щука не является священной, но прогоняя рыбу из глубоких мест к мелким берегам, она содействует тем самым более обильным уловам. Следовательно, щукою непосредственно руководит хозяин воды, желающий обеспечить рыболова едой. Поиманная щука обычно выпускается обратно в воду.

Все перечисленные ограничения и запрещения не могут, конечно, не оказывать влияния на выработку мирозерцания самоедки. Полная жизнерадостности в молодые годы она постепенно становится угрюмой и мрачной.

Зависимость, в которую ставится туземка в отношении мужа, уплатившего за нее калым, проявляется еще и в том, что в то время, как он за нарушение супружеской верности ни перед кем не ответственен, измена жены нарушает его права собственника и соблазвивший ее рассматривается обычным правом, как похититель чужой собственности, подлежащий заплатить за бесчестие.

Обнаружить факт супружеской измены у самоедов весьма не трудно, благодаря нелепой, твердо укоренившейся вере в то, что испытываемые женщиной предродовые боли являются следствием нарушения супружеской верности и что раскаяние виновных в значительной степени может облегчить эти страдания.

Во время родов муж, как и прочие мужчины, находятся вне чума. Работать ему нельзя и обыкновенно он укладывается на санки и лежит на них в течение всего времени пока делятся родовые схватки, ожидая сообщения о результатах родов. В то же время находящиеся при роженице старухи уговаривают ее чистосердечным признанием облегчить свои страдания, на что сознающая за собой вину, немедленно склоняется. Когда обольстителем является лицо, принадлежащее к чужому роду, должно быть названо его имя и род, если же он является членом данной семьи — имя его не произносится и мужу предоставляется самому выяснить потом, кто из родственников посягнул на честь его жены. Не ограничиваясь признанием женщины или в случаях ее невиновности, старуха, при непрекращающихся страданиях роженицы, выходит к ее мужу с тем же предложением — сознаться в своих изменах. По отношению к супругу ей приходится проявлять значительно большую настойчивость, так как он обычно начинает с уверенней в своей невиновности. Неоднократно старуха появляется у его санок, требуя признания, особенно если положение жены даже после ее чистосердечного признания не улучшается. С каждым разом старуха делается все настойчивее и настойчивее и требует, чтобы он сознался, так как роженице очень плохо и нет сомнения, что только его упрямство ухудшает положение больной. Тогда только муж, поняв, наконец, важность момента, не произнося ни слова, берет кусочек веревки, а если таковой под руками не окажется, развязывает тесемку, которой закрепляется бакарь (меховой сапог), чтобы он не сползал вниз, и на ней делает узлы по количеству совершенных им измен. Число таких узлов доходит иногда до десяти. Тесемку старуха передает больной, которой достаточно взглянуть на узлы, а иногда и сосчитать количество их, чтобы почувствовать облегчение. К моменту, когда завершается довольно длительная и сложная церемония

обоюдного „покаяния“, в положении роженицы наступает естественное улучшение, которое и объясняется ими, как результат магического действия признания.

Последствия нарушения супружеской верности ложатся бременем только на жену. Если соблазнителем оказался родственник, ревнивый супруг выделится из семьи и постарается принять все меры к тому, чтобы жена не встречалась с виновником измены. Очень часто дело ограничивается надлежащим „вразумлением“ жены и получением с обольстителя нескольких оленей.¹ При этом самый способ получения вознаграждения довольно своеобразен: при встрече в пути с соперником обманутый муж без всяких разговоров отпрягает от его упряжки одного, двух оленей и уводит их с собой. Пострадавший, чувствуя за собой вину, не протестует против самоуправства, считая, что легко отделался, так как знает, что родовой суд заставит вознаградить обиженного.

Когда муж, установив факт измены, не пожелает оставить жену у себя, он всеми мерами вынуждает ее покинуть супружеский кров и уйти к родителям или лицу, ее соблазвившему. Калым в таких случаях должен быть возвращен тестем полностью, после чего муж, в свою очередь, передает приданое жены.² Дети, выросшие в чуме отца являются собственностью последнего и при расставании супругов остаются у него. Таких прав собственника отец лишается в отношении лишь грудного ребенка, так как он будет воспитываться вне отцовского чума.³

Таким образом, сообщение А. Ефименко о том, что „у самоедов язычников брак есть союз временный, обязательный лишь до тех пор, пока супруги хотят жить вместе“ — не совсем точно.⁴

¹ Не часто, но все же встречались семьи в числе которых были дети, рожденные не от мужа — „найденные без мужа“ — как говорят самоеды, отмечая их дачей соответствующих имен. Так, в одной семье рода Тёсида оказались внебрачными сын и два внука, носящие имена: Пайдаво — удалой, Юноси — незнающий, забывший родства и Паигаси — безродный. Оставленные и воспитанные в семье законного супруга они пользуются всеми правами законнорожденных при получении наследства.

² По словам А. Шренка, приданое остается у мужа. А. Шренк. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным уральским горам. СПб., 1855, стр. 478.

³ А. И. Дмитриев-Мамонов и К. М. Голодников (стр. 39), сообщают, что „при разводе супругов дети мужского пола поступают к матери, а дети женского пола к отцу“. О таких постановлений родовых судов слышать не приходилось, так как это резко противоречило бы обычному праву скотоводов. Очевидно, в данном случае практика русских судебных установлений ошибочно приписана самоедам. См. также М. Ковалевский, Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Родовое устройство инородцев России. Изд. Брокгауза, стр. 213. „Калым приводит к уподоблению женщины товару, обязанному приносить соответственный доход. Последним может быть не только труд женщины, но и даваемый ею приплод, ее дети, как бы они ни были прижаты“.

⁴ А. Я. Ефименко, стр. 179.

Развод у самоедов, являясь актом чрезвычайно простым и легким для мужчины, крайне затруднителен для женщины.

Самоед во всякое время может прогнать непоправившуюся ему жену, но редко прибегает к этому, так как удаление жены по инициативе супруга освобождает тестя от необходимости возвращать калым. Вот почему, желая по тем или иным побуждениям удалить жену и стремясь, в то же время, соблюсти материальные интересы в смысле получения обратно калыма, самоед, нередко при ближайшем участии родственников, создает такую обстановку, вплоть до побоев и истязаний, которая вынуждает женщину бежать и искать защиты у родных.¹

Побег к отцу рассматривается обычным правом как акт самовольного оставления мужа и обязывает отца вернуть калым, так как родовые суды все деяния, однородные по последствиям, относят к одной категории, не отличая случайных и вынужденных поступков от намеренных.

Что касается женщины, то она у самоедов не имеет права требовать развода и в случае самовольного ухода от мужа отец берет на себя обязательство немедленно вернуть непокорную ее собственнику.² Иногда впрочем, входя в тяжелое положение дочери, сочувствуя и желая облегчить ее участь, отец оставляет ее у себя, но тотчас же принимает меры к тому, чтобы по возможности, не теряя времени, перепродать ее другому лицу и полученным калымом расплатиться за первый.

Когда вынужденная покинуть мужа самоедка не имеет родителей, к которым могла бы уйти, или сознает невозможность для них компенсировать затраченный на нее калым, она, оставляя мужа, обрекает себя на скитание по чужим чумам, попросту говоря, нищенствует. Всякий, взявший такую беглянку в жены, независимо от того, сколько времени она скиталась по чужим людям, обязан возместить мужу или его наследникам калым полностью.

¹ Можно было бы привести целый список встреченных экспедицией жертв мужской жестокости, виновники которой в большинстве случаев остаются безнаказанными и только в виде исключения дело доходит до уголовного преследования. Так, во время пребывания экспедиции в селении Хе, туда была привезена самоедка с отмороженной нижней частью туловища. По словам доставивших ее, она была найдена ими в тундре. Избив и привязав жену к санкам, муж бросил ее и переехал с чумом на другое место. По оказании первой помощи несчастная была отправлена в Обдорскую больницу, где спустя несколько дней скончалась.

² У степных кочевников, помимо калыма, уплачиваемого родителями невесты, мусульманское право, шарият, признает свадебный дар жениха своей будущей жене и она всецело владеет им и по своему усмотрению распоряжается подарком. Таким образом, шарият, пытаясь регулировать отношения супругов, считал, что в случае возбуждения вопроса о разводе по инициативе жены, требование мужа о возврате калыма является как бы гарантией от самовольного оставления его женой. А в отношении мусульманина такой же гарантией должен быть дар жениха, обеспечивающий ее на случай развода.

От необходимости возвращать первому мужу весь уплаченный им калым еще в недавнее время освобождался только тот, который брал себе в жены женщину, прожившую с первым мужем не менее десяти лет, так как считалось, что за этот период времени она своим участием в хозяйственной жизни семьи уже погасила купившему ее роду весь затраченный на нее капитал.

Все же, как ни тяжелы условия развода, последний служит единственным способом освобождения самоедки от рабства, так как даже смерть мужа не избавляет ее от ига, наложенного калымом.

Из общего правового положения женщины вытекает, как естественное следствие, обычай наследования вдовы, в силу которого она, вместе с прочим имуществом, переходит к родственникам умершего мужа.

При наследовании имущества у самоедов строго и крайне односторонне, как и вообще у скотоводческих народов, проводится отцовское право. Наследниками считаются только те, которые могут вывести свое родство по мужской линии. Наследование проводится в линии нисходящей, отсюда и право наследования прежде всего принадлежит сыновьям. Жены, как и дочери, из порядка наследования, совершенно исключены. Даже „детная“ вдова неотделенного сына лишена права получить из семейного имущества долю ее мужа.

Отец, особенно если он вдов, не стар и других сыновей у него нет, охотно женится на вдове умершего сына; он же вменяет себе в обязанность взять в жены и вдову покойного брата.

Если у восточных народов наследуют вдову, не считаясь с запрещением корана: „наследовать жен против воли“ и „жениться на своих мачехах“, то у самоедов нет никаких запретов и после смерти отца ничто не препятствует сыну наследовать вторую жену умершего, т. е. свою мачеху, тогда как мать его будет взята братом умершего. Тягостное впечатление производят такие семьи, степени родства в которых переплетены самым необычным образом. Потомство, происшедшее от одной и той же женщины, занимает в отношении ее мужа положение братьев и сестер, сыновей и дочерей. Жена, часто старуха по сравнению с отцом семейства, не любит, а боится его, с своей стороны и муж далек от того чтобы баловать вниманием свою бывшую мачеху.

При подобного рода повторных, так сказать, вступлениях в брак никаких свадебных церемоний не совершается и на „молодую“ смотрят как на обыкновенный инвентарь, поступивший в распоряжение наследников, которые берут ее, применяя на практике широко распространенный у некультурных народов институт левирата.

На основании преемственности родовых прав и имущества младшим из сыновей и наследования в нисходящих степенях родства, о чем уже говорилось, вдова (сыра) с детьми принадлежит по праву младшему брату

умершего. За его малолетством вдову может взять старший, но с тем, что, когда прямой наследник подрастет, она будет передана ему.

Приведенный обычай удивительно ярко обрисовывает существование права малолетнего наследника на вдову, вместо, казалось бы вполне естественного права вдовы на опеку и заботу о наследнике.¹

Наконец, когда братья отказываются от использования своих прав на наследование вдовы, она обязательно переходит к кому-либо из родственников покойного, в видах сохранения ее как рабочей силы в том роде, к которому принадлежало лицо, ее купившее.

Овдовевшая самоведка может отказаться от претендентов на ее руку и продолжать вести хозяйство мужа, если среди оставшихся сирот имеется сын, хотя бы десятилетнего возраста, и сама она не будет высказывать стремления возвратиться в свой род.

На первый взгляд такое положение как бы подчеркивает преимущества женщины, как матери, в действительности же дело обстоит иначе. Сын, получивший наследство, обязан кормить мать, и она лишь живет при наследнике, но опека над ее детьми, равно как над имуществом и всеми женщинами, оставшимися после умершего, принадлежит ближайшим родственникам, которые за это участвуют в наследстве наравне с сыновьями.

Опекуны таких строптивых вдов, пользуясь малолетством их сыновей, обычно стремятся слить опекаемое имущество со своим собственным, а затем, вынудив вдову оставить семью и уйти к родным, присваивают его себе.

Наследники и опекуны, принимая на себя заботы о женщинах и сиротах, пользуются правом получения калыма при вступлении в брак опекаемых.

Нередко ценность наследства определяется не столько количеством оставшегося после смерти самоеда имущества, как наличием в семье умершего дочерей на выданьи.

Не заботясь об участии вдовы, особенно если она стара, или предоставляя ей оставаться в чуме на положении служанки, наследники в отношении дочерей полностью используют свои права в смысле получения тех материальных выгод, которые сулит им удачная выдача замуж опекаемых.

Иногда вдова, следуя свободному влечению, останавливает свой выбор на ком-либо из членов чужого рода и отказывается от перехода к родственникам умершего. Такого рода факты вызывают часто противодействие со стороны наследников, заинтересованных сохранить права на женщину. В случае безрезультатности их попыток, на нового

¹ В последнее время родовые суды предоставляют право вдове оставаться у старшего брата, если последний взял ее вследствие малолетства прямого наследника.

супруга ложится обязанность вернуть наследникам калым, уплаченный умершим.¹

Только в случае полного отсутствия лиц, имеющих право на вдову, она может возвратиться в свой род, но отец не лишен права снова ее продать.

Обычай перехода вдов по наследству приводит иногда к тому, что в некоторых зажиточных семьях после смерти братьев и сыновей наблюдается переизбыток „живого инвентаря“, от которого хозяин не прочь бы и избавиться. Вдовы эти, войдя в чужую семью, не претендуют ни на что и готовы довольствоваться малым: — „Куда и с чем пойдем“, — говорят они — „что будем делать. Около него по крайней мере сыты и одеты“.²

Такое бесправное и незащищенное положение самоедских вдов служит яркой иллюстрацией последствий, вытекающих из экономических отношений супругов.

В то время, когда все имущество семьи сосредоточено в руках мужа, жена оказывается лишь составной частью этого имущества.

В приданом, возникшем на почве позднейших современных отношений, усмотреть выдел девушке части семейного имущества — нельзя.

Предназначаемая к переходу в другой род, девушка не имеет прав собственности на семейное имущество и не участвует в доле наследства, оставшегося после смерти отца.

В семье мужа она тем более не приобретает прав на собственность, как чужеродка.

Сделавшись матерью, жена у самоедов-кочевников укрепляет свое положение в семье, но новых прав не приобретает. Попрежнему она, как женщина, не является равноправным членом семьи, и результаты ее труда принадлежат мужу, которому принадлежит и она сама.

Такая крайняя степень неравенства особенно резко бросается в глаза в моменты принятия семьей пищи.

¹ Какие применяются меры побуждения вдов к сожительству с наследниками установить, конечно, затруднительно. Отметим, что в своде киргизских обычаев сохранились указания на аналогичные случаи, а именно: „§ 8. Бездетной вдове, особенно молодой, братья умершего, называющиеся амангер'ы имеют еще больше права отказать в желании нового замужества... В этих видах даже самые крайние насилие женщины со стороны ее амангер'ов, чтобы заставить ее выйти замуж, не возбраняются обычаями. § 12. Когда вдова, несмотря ни на какие увещания не соглашается выйти замуж не только за кого-либо из близкой родни покойного мужа, но даже из целого рода, а требует себе свободы в выборе мужа, ей предоставляется право выхода замуж за избранного ею человека, который за это должен заплатить ее амангер'у три тогуза“. А. И. Добромислов. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX вв., Казань, 1904.

² А. Шренк в основании этого обычая видит не только расчет выгодного приобретения хозяйки, но и необходимость попечения об оставшихся вдовах и сиротах.

Еще Паллас, подчеркивая эту сторону быта, отмечает, что „бабы с мужчинами есть не смеют, а довольствуются остатками“.¹ Действительно, личные наблюдения подтверждают, что мужчины как члены семьи, так и гости, не исключая и работников, усаживаются за стол, а жена только прислуживает им, но участия в общей трапезе ни она сама ни прочие женщины чума не принимают.

Пищушему эти строки пришлось пробыть в течение нескольких месяцев в тесном соприкосновении с самоедской семьей, пользуясь одной половиной чума, в то время как вторую половину занимали члены семьи, состоящей из мужа, жены, двух сыновей и четырехлетней дочери.

За столь продолжительный срок пребывания в самоедской семье неоднократно приходилось наблюдать, как в отсутствие хозяина чума место его во время еды занимал семилетний сын. Маленький шалунишка, обычно крайне живой и непоседливый, усаживаясь за столом на место отца, делался сосредоточенным, серьезным и молчаливым. Подражая позой и движениями отцу, он усердно выпрямлял спину, чтобы казаться выше и внушительнее; руки его обычно что-нибудь крутящие или вертящие, теперь, в ожидании подачи кушаний, с локтями положенными на колени, тесно прижаты ладонями друг к другу, как это делал отец, нервничая и выражая нетерпение, если пища подавалась не сразу. Во время чаепития он с шумом отодвигал чашку, отдавая этим движением, по примеру отца, молчаливое приказание матери: налить следующую. Мать, оставаясь на своем обычном месте, прислуживала сыну с теми же знаками внимания и покорности, какие проявляла и в отношении мужа, видимо довольная поведением мальчика. Когда же отсутствовал и этот сын, мать во время еды обязательно усаживала на место мужа трехлетнего мальчугана и обращалась с ним как со взрослым. Таким путем мать стремилась познакомить малолетних сыновей с основными понятиями своего народа.

По поводу униженного положения женщины, занимаемого ею во время еды, Н. Харузин говорит, что в отношении к труду, потраченному женою на добычу пищи, выступает принцип, на основании которого „жена может воспользоваться доставленными ею продуктами питания только по удовлетворении аппетита мужа и других членов группы, разделяющих с ним стол“. „Здесь — говорит он — ярко выступает двойное подчинение женщины мужчиной: как членом группы и как индивидуальным обладателем женщины, для которого она является прежде всего рабочей силой, обязанной служить его интересам.“²

¹ Паллас, стр. 94.

² Н. Харузин. Собственность и первобытное государство, СПб., 1913, стр. 179.

Что касается развития обычая совместной трапезы, то таковой — по мнению Липперта — говорит уже о примирении обеих организаций и о соединении на новых основах.¹

Действительно, у оседлых томских самоедов женщина, родившая двух сыновей приобретает, по словам Н. Григоровского, право хозяйки, подруги мужа и это выявляется в том, что она не только прислуживает гостям и мужу, но и имеет право сесть за общий стол.²

Не только результатами ее трудов, но и приданным распоряжается муж. Все что жена принесла с собой является семейным имуществом, которое, конечно, расходуется только по усмотрению мужа, и жена в течение всей своей брачной жизни почти не вмешивается в распоряжение приданным.

Таким образом и в этом отношении она ставится под опеку мужа.

Все, чем действительно владеет жена и чем может она пользоваться, не давая в том никакого отчета, состоит из ее личного имущества, представляющего одни жалкие девичьи украшения и предметы женского туалета.

Тем не менее фактическим собственником приданого обычное право признает жену или вернее род ее, и положение это особенно ясно выявляется в случае смерти самоедки, при возбуждении вопроса о распоряжении оставшимся после нее имуществом.

По обычаям самоедов в могилу должно быть положено все то из предметов инвентаря, что находилось на половине чума, где лежал умирающий, включая и чумовую покрывку с шестами. Кроме того, на могиле умерщвляется от трех до пяти оленей, которые в „потустороннем мире“ должны быть первыми упряжными животными умершего. В могилу женщины кладутся также ее личная собственность и приданое, если от него откажутся родственники умершей.

Строгое соблюдение обычая исключает возможность перехода остающегося после смерти самоедки имущества к дочерям. Само по себе имущество это настолько ничтожно, что на него обычно не претендует и род умершей, но ни в коем случае не уступит ни одной вещи мужу, настаивая на том, чтобы все оставшееся после покойной было положено вместе с нею в могилу.

Поэтому, ни одному самоеду, как бы сильно он ни нуждался, не приходится воспользоваться имуществом, оставшимся после покойницы. Да

¹ Ю. Липперт. История культуры, А., 1925, стр. 127.

² Воронов, стр. 50.—В связи с изложенным приходится несколько критически отнестись к сообщению А. Соболева о том, что „вообще не видно, чтобы женщина среди юраков занимала какое-нибудь особенное низкое положение рабы. Нет, она равноправный член семьи, в которой труды поделены“..., а двумя строками ниже сообщает: „она готовит кушанье, правда поедаемое сперва мужчинами (часто ей ничего не остается и ей приходится готовить себе во вторую очередь)“. А. Соболев. На реке Танама. Изв. РГО, т. VI, вып. 2, 1924, стр. 139.

если бы он и рискнул на это, то безрезультатно, так как при отпевании умершей, шаман, инспирированный хорошо на этот счет осведомленными старухами, перечислит при камлании все то, что было утано вдовцом из приданого и добавит при этом, что покойница требует возврата своих вещей, даже тех из них, которые были оставлены мужем не из корыстных побуждений, а как память об умершей.

Необходимость соблюдения описанного обычая иногда приводит к тому, что малолетний самоед после смерти жены оказывается почти разоренным. Между тем, еще недавно, так как память об этом сохранилась у стариков, требования обычая были еще строже и предписывали класть в могилу не только личную одежду жены, но и все те меховые одежды, которые были ею сработаны.

Очевидно причины экономического порядка заставили отказаться от соблюдения в точности этого обычая, первоначальная форма которого наводит на мысль, что раньше самоеды признавали труд как источник собственности одинаково как в отношении мужчин, так и женщин.

Итак, наблюдения над жизнью самоедки, с момента ее рождения до смерти, приводят к той общеизвестной истине, что туземная женщина является лишь рабочей силой, всецело зависящей от родственников или от мужа и его наследников.

Да иначе при существующих экономических отношениях у скотоводов-кочевников и быть не могло. Только с изменением этих отношений, с переходом народности от кочевого образа жизни к оседлому земледельческому, начинается постепенное освобождение личности женщины.¹

Вполне естественно, что в зависимости от одинаковых экономических условий должны были, как говорит М. Ковалевский, складываться сходные черты быта кочевников.

В частности, по отношению к самоедам, положение это подтверждается при сопоставлении юридических обычаев самоедов с материалами, опубликованными Палласом: „Ойратский устав 1640 г.“, Леонтовичем — „Калмыцкое право“ и др. Из приведенных источников нетрудно почерп-

¹ М. Ковалевский, на стр. 312 уже цитированного труда, устанавливая общность родового устройства у туземцев, приходит к заключению, что „близкая порядки общественного устройства столь различных по расе племен как самоеды и мордва, черемисы и дагестанские горцы, буряты и якуты, трудно не внести того впечатления, что совершенно независимо от климата и физического устройства, под влиянием сходных психических и экономических условий, у разноплеменных народов России, помимо всякого подражания и заимствования, складываются сходные условия быта“. Оставляя в стороне вопрос о „психических условиях“, отметим, что некоторые из перечисленных М. Ковалевским народностей, как напр.: мордва, черемисы и др. давно уже перешли к оседлому образу жизни и существовавшие некогда порядки общественного устройства, а также „сходные условия быта“ являются для них далеким прошлым, тогда как для самоедов такое устройство — близкое настоящее.

нуть сведения о том, что калмыцкий род, подобно самоедскому, является не только агнатическим, но и придерживается строгих начал экзогамии. Кроме того, согласно обычаям киргиз и калмыков, братья умершего „берут вдов за себя в замужество“, из чего следует, что браки у них, подобно самоедским, сопровождаются уступкой невесты ее родом роду жениха, т. е. являются междуродовой сделкой и т. д.

Однако ознакомление с вековыми обычаями народности, ее взглядами, предрассудками, понятиями, привычками и пр. убеждают в том, что женщина у самоедов-оленьеводов находится в более тяжелом зависимом положении, чем у других народов.

На смягчение нравов южных кочевников влияло как соприкосновение с соседями, стоящими на более высоких ступенях развития, так и воздействие мусульманства, буддизма и христианства.

Между тем, в приполярных областях попытки накопления материальных и умственных богатств наталкиваются на исключительные трудности.

Оставаясь при самой примитивной технике, кочевник здесь, предоставленный в большинстве случаев самому себе, развивается чрезвычайно медленно как в хозяйственном отношении, так и в смысле умственном и нравственном. Поэтому, хотя официально рабства более не существует, но в укладе жизни самоедской семьи сохранились явные следы этого тяжелого пережитка старины, нередко поддерживаемые родовыми и туземными судами.¹

¹ Выводы данной работы противоречат сведениям, сообщаемым проф. Б. М. Житковым о ямальских самоедах (Зап. РГО, т. XLIX, 1913, стр. 217). Б. Житков пишет: „ничего похожего на приниженное положение женщины нет. То, что говорится иногда по этому поводу в популярной, а иногда и в научной литературе, основано на неправильно понятых религиозных обычаях: женщина не чиста в определенное время, не может есть мяса медведя и т. д.“. Не останавливаясь на разборе сведений Б. Житкова, отметим, что причинами, по которым ему не пришлось подойти вплотную к жизни самоедов, а наблюдать только показную, парадную сторону ее и по ней составлять представление о положении самоедской женщины, указаны им самим на стр. 247, где он пишет: „так как о путешествии экспедиции самоеды заблаговременно широко оповещались через старшин во время Обдорской ярмарки, то они не преминули придать моей особе необычайно высокое официальное значение“. Кроме того, экспедицию Житкова, как он сообщает, сопровождал священник совершавший на пути ее следования периодические богослужения. Само собою разумеется, что при приемах таких гостей семейные неурядицы не обнаруживаются, а только что испытанные огорчения и обиды прикрываются улыбкой.

Тем не менее от наблюдательности проф. Б. Житкова не укрылись драматические стороны жизни обитателей тундры, но он объясняет их романтическим происхождением и на стр. 221 пишет: „Если бы их (романов) не было, то бабы и девицы не бегали бы из богатых чумов с бедными работниками“. Правда, вопрос о взаимной склонности брачующихся не устранен и у самоедов, а потому в супружеской жизни их чувства любви и привязанности нередко находят себе весьма яркое отражение в семейных драмах, но нельзя же все это попросту объяснить романами.

На основании Временного положения выбор гражданских дел назначается в ведении родовых судов, обязанных решать их по местным обычаям, причем выборные, нередко злоупотребляя властью и прикрывая своей провинкой, сообщают обращающимся к ним, что судят их по новым русским законам.

Правительственное распоряжение о воспрещении калыма и многоженства, относящееся к 1927 г. — времени нахождения экспедиции в тундре, — там еще ogłosено не было и автору настоящей статьи стало известно в феврале 1928 г., по прибытии в Обдорек из радио-связки. Следующим летом, опубликованным в Известиях ЦИК пришлось ознакомиться еще позже, лишь по приезде в Тобольск.

Поэтому, к сожалению, не имеется материалов, свидетельствующих о том, как было принято туземцами означенное распоряжение.

Академик Н. Я. Марр, писавший юридической стороне быта кавказских народов, говорит, что «традиция, удовлетворяющая моральные чувства кавказца, как и материальные его интересы, должна быть вылитой в формы, определяемые материальным бытом народа в известной природной мере. Эти формы имеют существенное жизненное значение. Без них не быть никакому народному суду».¹

Против этого положения едва ли можно что-либо возразить, и оно, как кажется, в полной мере приложимо и к народам севера, в частности — самоседам.

Тем не менее, после издания закона о воспрещении калыма и многоженства, тормозы, препятствующие улучшению положения женщины должны быть устранены.

Весьма возможно, что в скором времени калым, нашедший себе столь широкое распространение не только среди туземного населения, но даже и среди русских, в деревнях ближайших к Тобольску, где он носит название «запроса», изжит не будет и выльется в какую-либо иную форму. Из этого, однако, не следует, что в существующей форме он допустим и с ним не следует бороться.

Что касается уничтожения многоженства (двоежества), то этот законодательный акт, без соответствующих к нему дополнений, может в некоторых случаях еще более обострить женский вопрос на крайнем Севере, так как им, вне всякого сомнения, воспользуются те, которые на законном, так сказать, основании пожелают избавиться от неугодных им жен, не обеспечивая их имущественно.

Кроме того, проведение в жизнь моногинии вызовет, несомненно, в условиях существования Севера, привлечение наемной женской силы, что без издания дополнительных распоряжений, при невозможности пока

¹ Н. Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа, Пгр., 1920, стр. 18.

еще охватить советским аппаратом тундру, в смысле охраны труда и защиты личности женщины, едва ли приведет к желаемым результатам — раскрепощению женщины в правовом и социально-экономическом отношении.

Быть может мы повторяемся, но необходимо еще раз подчеркнуть, что, поскольку приходилось наблюдать, причины тяжелого положения самоедской женщины кроются, главным образом, не в многоженстве, а в том, что она имущественно бесправна.

Поэтому, сама жизнь выдвигает между прочим следующие вопросы, которые, в связи с распоряжением об отмене многоженства, не должны быть разрешаемы по усмотрению родовых судов.

Срочным является распоряжение об освобождении женщины после смерти мужа от рабства, налагаемого на нее калымом и о предоставлении ей права располагать собою.

Овдовевшая женщина не только не должна являться частью оставшегося после смерти мужа имущества, но и сама должна наследовать его в определенной доле.

Следствием мер раскрепощения туземки должно явиться признание за ней естественного материнского права — опеки над своими детьми и полное освобождение ее самой от тяжелой участи быть опекаемой.

Вдове должно быть предоставлено право самостоятельно вести свое и опекаемых ею детей хозяйство, независимо от того, осталась ли она в роде мужа, купившего ее или перешла в другой род — свой или чужой.

Далее, при разводе муж обязан выделять жене, как принимавшей участие в накоплении семейного имущества, соответствующую часть его.

Желательно также выяснить вопрос об участии детей при разводе и особенно девочек.

Необходимо признать за дочерьми, наравне с сыновьями, право наследования оставшегося после смерти родителей имущества, хотя бы и в меньших долях.

Желательно ограничить право родителей и родственников, препятствующих бракам взрослых детей или воспитанников.

Воспретить принуждение ко вступлению в брак без взаимного согласия брачующихся.

Воспретить браки между мачехой и пасынком, свекром и снохой, между младшим или старшим братом и вдовой умершего брата.

Наконец, необходимо категорическое запрещение класть в могилу с умершей меховые одежды и домашнюю утварь, столь ценные в повседневном быту самоедов.

На необходимость согласовать обычное право сибирских туземцев с существующим законодательством указывал на первом Сибирском краевом научно-исследовательском съезде Д. Е. Лаппо в своем докладе,

озаглавленном: „Обычное право сибирских туземных народностей“. С докладом удалось ознакомиться в декабре 1926 г. по конспекту, любезно предоставленному докладчиком по возвращении в Красноярск со съезда. Уделив в своем докладе значительное место вопросу о положении женщины и необходимости урегулирования брачных отношений супругов, Д. Лаппо в одном из своих тезисов прямо указывает, что „бесправное положение женщины является наиболее сильным препятствием к советизации и проведению в жизнь сибирских туземцев начал Октябрьской революции“.

Из протокола съезда № 3 по секции „Человек“, где помещены прения по докладу Д. Лаппо, усматривается, что со стороны только одного оппонента Ю. Кудрявцева последовали возражения относительно уничтожения калыма.¹ Так, им было отмечено, что „несуразницы обычного права имеют под собой глубокую материальную подкладку“ и что „невеста с калымом — это не купля и продажа — это обеспечение на всякий случай женщины, ее материальная база, поэтому нельзя так безапелляционно отнимать калым — надо его чем-нибудь заменить“.²

Возражения Кудрявцева служат подтверждением тому, что и в прениях вопрос о туземной женщине имел место. Тем менее понятно, что в вынесенной съездом резолюции по докладу говорится об учреждении кафедр по обычному праву, о составлении библиографии по данному вопросу и т. д., но ни в одном пункте не упоминается о назревшей необхо-

¹ Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда, т. I, Новосибирск, 1927, протоколы и резолюции, стр. 185 и 255.

² К сожалению, в протоколе не указано, к какой народности относятся слова Кудрявцева, а потому и трудно ему возражать. Уже отмечалось, что не по обычаю (адату), а по шарнату часть калыма дается в случае развода жене, но у большинства турецких народностей эта часть калыма доведена до минимума, материальной базой невесты, конечно, служить не может и обычаем сведена к уплате — за бесчестие. Кроме того, в объяснении I к §§ 272 и 8 проекта Свода степных законов, о котором упоминалось выше, говорится: „Быть может, что начальная цель свадебного договора инородцев действительно относилась к снаряжению невесты всем нужным к домообладству или новоселью, иждивением жениха. Однако по укрепившемуся между ними мнению, коим не присваивается женщине права располагать собою, по корыстолюбию отцов и родственников и по другим злоупотребительным видам, обычай сей превращен, и выдача за калым в замужество теперь не иное что есть, как продажа дочерей и родственниц. Сие доказывается тем, что инородцы в показаниях своих не только не скрывают покупки и мены невесты, но даже выставляют плату калыма основанием права располагать по собственному произволу овдовевшими женами (Верхоленск, показан. Нач. Нерч. Тунг. Гантимура), сочетать их волею и неволею с братьями или другими ближайшими родственниками умершего мужа, даже с пасынками и свекрами, а в некоторых случаях перепродажею их выручать свой калым“. По § 43 того же свода муж лишается калыма только в том случае, если развод произошел по его вине (Селенгин. уложен. и показания: Верхоленск., тунгусск. и якутск.).

димости раскрепощения туземки, не упоминается даже самого слова — женщина.

Надо полагать, что женский вопрос был поглощен общим пунктом (7) о мерах борьбы с бытовыми преступлениями. В таком случае опасения съезда, что „репрессивные меры могут повлечь к сокрытию внутренней жизни северных туземцев от советской власти“ и жизнь уйдет „в подполье“ — не совсем основательны.

Прежде всего потому, что главными причинами, обостряющими отношения, вызывающими крупные ссоры и длительную вражду, служат у туземцев тяжбы, связанные с вопросом о калыме.

Кроме того, многими путешественниками (Гофман, Кастрен и др.) отмечен в их трудах факт обращения к ним, как к русским, туземцев с просьбой уладить их семейные дела и разрешить спор.

Если прежде с вопросами, касающимися нарушения семейных прав не шли в подполье, а стремились, чтобы первый встречный русский разрешил их тяжбу и высказал свое авторитетное мнение, то теперь и подавно: встречаясь лично на факториях с народными судьями, туземцы нередко обращаются к ним за разрешением спорных вопросов, но судьи, имея общее распоряжение о невторжении в сферу деятельности родовых судов, стараются воздерживаться от этого рода дел.

Те, кто давно не был в тундре, очевидно, не знают, что новые веяния проникли и на крайний север. Им, вероятно, неизвестно, что, несмотря на первобытные нравы, косность и невежество, хотя и в единичных случаях, но даже и среди туземных женщин проявляется стремление вырваться из оков рабства, подтверждением чего служит прилагаемое заявление вдовы Харючи, своеобразно протестующей против ига, наложенного на нее калымом. Она уже не придает веры всему, относящемуся к области фантазии и сказок, но не знает еще, где можно найти защиту своим интересам, так как между нею и правдой, о которой говорит Н. Марр, стоит родовой суд, основанный на праве собственности победителя-мужчины.

ВЫПИСКИ ИЗ ПУТЕВОГО ЖУРНАЛА

Май 1927 г.

СТРАДАНИЯ ХАЮ ТЭСИДА

Три лета и четыре зимы прошло, как Мянгочи Яр для своего сына Кабори купил у моего отца Мунголи Тэсида мою сестру Хаю.

Первый год, когда он ее взял, кровь у нее не бежал, а на второй год уже бежал, — а парень был меньше своей невесты года на три.

В калым брали 30 оленей и 10 песцов.

Весной отдали, а осенью Хаю в гости пришла и говорит, что старик Мянгочи хочет ее насловать. Тогда мой отец говорит ему: — если тебе нужна баба, то у тебя есть олени, а у меня есть еще дочки, купи себе третью жену. — Разговор этот слышали Максим Тэсида, Яумпе Яр, Пансейе Яр, Найла Салиндер и Хабиле Салиндер.

Мянгочи ответил, что другую брать не хочет и у этой больше просить, чтоб она изменила мужу, не будет.

После этого разговора он еще настойчивее стал приставать к Хаю.

Во время второй зимы Хаю снова пришла в гости к отцу и рассказала, что с реки Таз ходили легким чумом на Караул по ту сторону Енисея шесть человек: Мянгочи Яр, Хоке Ябтонгэ (Ептунгай), Нирти Яр, она с мужем и другая невестка Лане, жена Кача. При возвращении с Караула почти на середине Енисея у Хаю, ехавшей последней, олени упали, так как ей старик дал самых слабых животных. Возясь с оленями, она сильно отстала от аргиша и все люди ушли далеко вперед. Не успела привести в порядок сани и поднять оленей, как приехал Мянгочи, возвратившийся от ушедшего вперед аргиша, и сильно ее избил. Все лицо ее, по словам Хаю, было залито кровью, так как, упав на лед, она порезала о льдину лицо, а Мянгочи продолжал ее избивать.

Отец снова говорил с Мянгочи и сказал: — если не слушал добром, пойдем в суд.

Судил в Хальмер-седе русский — Егорка, были и другие русские из служащих фактории, а из самоедов — Мянгочи и отец Хаю, Ельчета Уэнга, Оляк Лар, шаман Ялимета Ядне и его парень Нюди Ялимета. Судом, собственно, назвать нельзя. Егорка сказал, что судить не может. Все советовали: живите мирно, не ссорьтесь. Это было в 1925 году.

С тех пор Мянгочи каждый день журит и журит Хаю.

— Суд, дескать, хоть и был, а ничего я не отдал и ничего мне за это не будет.

Весной, когда стояли недалеко от Мянгочевой обычной в это время стоянки, он снова приехал к нам в гости с Хаю. Тогда сестра сказала, что назад не пойдет, так как живет еще хуже, чем прежде. Отец ответил: — я тебя продал и ты должна идти. Добровольно не пойдешь, силой тебя возьмут. — Пришлось Хаю возвратиться в чум Мянгочи.

Прошло лето. Осенью снова аргишили к Хальмер-седе. Чум Мянгочи и наш чум стояли на берегу реки Таза очень близко к Хаю, придя в гости, заявила, что живет хуже прежнего, так как ее начали морить голодом. По соседству с Мянгочи стоял чум Отта Ябтонге и он подтверждал жалобы Хаю. Решили снова судиться в Хальмер-седе. Судьей была Пакая Харючи. В прошлую зиму, как и сейчас, Пакая состоит председателем Туземного совета. На суде присутствовали Мыссы Ядне, Вэсоко Тэсида, Пантачи Тэсида, шаман Ялимета Ядне и др.

Пакая решил, чтобы Хаю оставалась у Мянгочи, а за то, что он ее не кормил, Мянгочи должен дать отцу, как полагается по обычаю, двух быков. У нас нет, как у русских, таких людей, которые смотрят, чтобы было исполнено то, что постановлено судом. Бедняку не получить того, что ему присуждено с богача, и отец до сих пор не получил присужденных ему быков.

Весной 1926 г. Мянгочи дошел до своей постоянной стоянки, а оттуда с легким чумом отправился в селение Гальчиху на Енисее. Хаю в это время с утра до вечера целыми днями рубила тальник, а когда вечером возвращалась домой, старшая жена Мянгочи отказывала в еде и лишь вторая жена, тайком давала ей кусок мяса или что другое, что удавалось припрятать. Старуха кормить не кормила, но настойчиво пыталась уговорить Хаю уступить просьбам Мянгочи, приговаривая, что когда парень подрастет, то отец не будет с нею жить и не будет ее трогать. Во время уговоров старуха несколько раз намекала, что Мянгочи уехал в Гальчиху добывать ей кусок хлеба и мяса.

— Когда приедет — будет хорошо. Раз покормит и сразу сделаешься крепкая и здоровая.

— Какой он мне кусок добывает, — думала Хаю. — Может „трихни“¹ для меня ищет. — И решила бежать к отцу.

Выехала как раз в мае месяце на двух быках. Один свой, другой Мянгочи. Поднялась пурга. Сам уже теперь знаешь, какая здесь в это время погода бывает. Неделя мера она кружала. От ветра и солнца глаза теряла, слепой стала. Санку привязала. Без глаз, куда пойдешь.

Вернувшийся с поездки Мянгочи, узнав о бегстве Хаю, послал за нею к отцу. От его посланцев родные узнали, что Хаю сбежала и я — Тэтти, брат Хаю, поехал ее разыскивать. Поздно вечером нашел. Олени привязаны к санке, а она лежит. Спрашиваю: — жива или померла. — Говорит, что немножко жива. Сначала плакала. Много плакала. Потом взяла и повез ее к отцу. Когда вернулся, много людей видело, какую сестру брат привез. Целое лето хворала. Что „глаз нету“ — больны были, а на теле мяса не было — одни жилы были — свидетелями тому Кыхача Салиндер и Олику Салиндер и Тырагтода Салиндер. И осенью прошлой Хаю не могла еще оправиться от пережитого.

В конце осени, в самую темную пору, чум отца Хаю парился (соединился) с чумом шамана, Йонуа Ядне (русское имя Петька) и вместе аргишили в Хальмер-седе. По дороге отец Хаю через людей сообщил Мянгочи, чтобы приходил и забрал девуку, так как она уже поправилась.

¹ Самоеды знают, что, несмотря на официальное запрещение торговать стрихнином, Енисейский Госторг (Енгосторг) снабжает заведующих факториями стрихнином, предоставляя право продавать его самоедам, за личную ответственность заведующих, для траванья волков.

— Будем судиться или нет, а пока что девка пусть будет у тебя — решил Мунголи и сообщил об этом Мянгочи. Последний ответа не дал и за Хаю никого не прислал.

Когда пришли в Хальмер-седе председателя Тузсовета Пакли не было: уехал в Обдорск. Старшим оказался приехавший из Обдорска член президиума Обдорского Исполкома, родом самоеди, товарищ Ного. К нему и обратился Мунголи с жалобой. Приехал и Мянгочи. Во время разговоров присутствовали выборные: Митька (русский) и самоеды Мыссы Ядие, шаман Ионуа Ядие, Халси Сюгней и др. Ного говорит, что судить он не будет. Права не имеет. Если могут помириться, то он рад помочь. Потом спросил Кабори: — любишь девку, нужна она тебе. — Кабори говорит: — не надо. — Кабори¹ вначале хорошо относился к своей жене. Когда же узнал, что к ней пристаёт отец, боясь итти против воли отцовской, сразу охладил к Хаю и не вмешивался в то, что происходило в чуме. Ного спросил Мянгочи настаивает ли он на том, чтобы Хаю возвратилась в его чум. Мянгочи отказался от нее. Хаю говорит: — если муж не любит, чего туда пойду? — Ного спросил у стариков, как в таких случаях раньше поступали, и сказал, что если Хаю пойдет в чум Мянгочи, все равно ей там спокойно жить не дадут.

— Если другого мужа себе не нашла, то оставайся у отца, а он пусть вернет Мянгочи половину калыма: 15 оленей и 5 песцов. Мянгочи на вопрос Ного: — чего молчишь? возмешь половину калыма, говорит: — раз ты говоришь, что мне следует половина калыма, а не весь калым, придется взять и половину. Отчего ж не возьму. — Тогда сказал Мунголи: — у меня всего 40 оленей. Если 15 сразу дам, куда я пойду с 25. А Ного спрашивает у Мянгочи: — а у тебя сколько? Тот говорит: — 700. Тогда Ного говорит: тебе значит не для еды; соглашайся, чтобы 5 сейчас, а потом каждый год по одному. Если песца добудет, то может быть песцом будет платить. Так и порешили. Сказав, что „время дошло“ и надо ехать, Ного поехал в Обдорск, а тому, который в Обьтресте самоедам муку вешает и в Тузсовете бумажки пишет (секретарь Тузсовета) приказал: — ты пидай гумагу (бумагу). Мянгочу давай гумагу, чтобы он получил, а Мунголи дал 5 оленей и 5 песцов. Этот русский говорит: — завтра гумагу пишем.

Дело кончили. Отец согласился возвратить половину калыма. Мянгочи взял первый платеж — пять оленей и пять песцов.

Когда на другой день Мунголи приехал в Хальмер-седе, русский говорит: — путем не судили, без Пакли гумагу не дам. Не суд был. Пакия Харючи приедет гумагу буду давать Мянгочи; он тебе даст.

До сих пор никакой гумаги нет. — Гумага была — тебе давал, ты смотрел, какой правда писана. Гумаги нет: правды нет.

Из Хальмер-седе четырьмя аргишами дошли сюда. Стоим тут две недели. Пришел шаман Ялимета Ядие и говорит: — приехал Пакия и людей собирает.

Мунголи говорит: — чего я пойду. Ного судил; я согласился, Мянгочи согласился и уже 5 оленей и 5 песцов взял, теперь по одному оленю

¹ Кабори производит впечатление совершенно неразвитого юноши. Кроме того, имеет физический недостаток: в детстве отморозил стопу правой ноги, представляющую теперь без пальцев вид обрубка.

в год буду давать. Сейчас вторая половина зимы, олени у меня совсем отошдали; до Хальмер-седе — четыре аргиша; если туда пойду, назад не вернусь: олени не выдержат. Чем жить? Чем работать буду?

Ялимета говорит: — Ного не выборный, судить не имеет права, а самый большой суд, так это суд Пакли Харючи. Пакия в тюрьму гумагу писал туда в Обдорск, что дело портили. Такую гумагу писал, что как только Ного на низ (на север, в данном случае — Обдорск) дойдет, то сразу тюрьму будут посадить и за решеткой будет сидеть. Голова у него будет вниз, а ноги кверху. Вот какую гумагу писал.

С того времени никто нас не тревожил. Старый шаман Ялимета, в скорости после посещения нас, умер. Судил ли Пакия новым судом или нет — не знаем.

Теперь вы, русские, пришли сюда и едете сейчас по земле рода Яр; везет вас и ваши вещи богач Мянгочи Яр. На днях приехал к нам шаман Поюр Яр и требует, чтобы отец мой явился к старшине Модыку Ябтонгэ в чум Мянгочи. Отец мой в чум к старшине поехал бы, а к Мянгочи ехать побоялся и не поехал. Другой раз пришли Тёркы Яр и Опайево Ябтонгэ и снова требовали, чтобы отец явился к старшине в чум Мянгочи, но отец снова побоялся. На третий день после первого прихода к нам приехали шаман Семен Ябтонгэ, состоящий сейчас в работниках у Мянгочи и называющий себя выборным по Гальчихинскому району на Енисее, Хаси Яр, Тёркы Яр, Леляко и сам Мянгочи. Пришли, и Мянгочи потребовал 15 оленей. Может Семен Ябтонгэ и старшина, но ты скажи: разве выборный по Красноярскому месту может распоряжаться по Обдорской Управе? Мой отец отказался исполнить требование Мянгочи.

Тогда Мянгочи говорит: — если считаешь, что Ного судил правильно, то давай сейчас 10 оленей, а если сейчас не дашь, то потом будешь давать 15. Старшина модыку Ябтонгэ передал тебе сказать, что добром к тебе не пойдет. Если не будешь платить, то силой заберет. Отец испугался — давал пять оленей.

Несколько ваших санок везет Хасоби Ябтонгэ, а у него в работниках Хасэука Уэнга, с матерью Хореля. Добрая старушка слышала разговор старшины с Мянгочи, видела у них песцов в руках и успела предупредить отца моего, что в этой борьбе богача с бедняком силы не равны.

Мой отец не только пять оленей дал, но обещал доставить на другой день к чуму Мянгочи женскую санку, на которой Хаю бежала из чума Мянгочи и которая является ее приданым.

Возвращая санку, отец мой был в чуме старшей жены Мянгочи. Там работник Мянгочи Панточи Тёсида сказал, что он видел, как Хюке Ябтонгэ любил мою сестру Хаю и может это подтвердить на суде.

Отец мой Мунголи, услышав это, сильно сердился на Панточи и сказал: — ты так говоришь, потому что живешь с таты (второй женой) Мянгочи. Если ты, действительно, знал, что Хаю полюбила Хюке, почему не сказал об этом на суде в Хальмер-седе. Ты был на суде, когда Пакия присудил Хак оставаться у мужа, а Мянгочи должен дать мне по нашему обычаю, два быка за то, что морил голодом мою дочь. Ты забыл, что ты там был.

Жена Мянгочи говорит: не волнуйся, старик. Разве у тебя песцов много или пестрые ягушки (верхняя женская одежда) завелись? С чем ты на суд пойдешь?

— Я тебе сказал все, что было раньше и тамгу свою поставил под тем, что ты записал, — закончил свой рассказ Тэтти.

— Теперь пойми, что делается сейчас. Старшина собрал к вашим чумам самоедов, чтобы разоблачить дело о краже плитки чая, которое тянется уже больше двух лет. Мянгочи хотел воспользоваться собранием и вторая жена его Хаула вместе с Панточи выступили с обвинением отца моего в том, что он плохо отзывается о них с тем, чтобы снова начать дело Хаю.

Раз сестра моя сама от мужа бежала к отцу, то отец, который продал ее, должен вернуть весь калым полностью. Если муж прогонит жену, то тогда калым не возвращается. Если жена сбежит не к отцу, а к другому кому и будет с ним жить, то весь калым должен заплатить обольститель. После того, как будут окончены расчеты по калыму, можно говорить о возврате приданого. Вот почему санку Хаю пришлось вернуть Мянгочи.

Ного смотрел на дело по совести и понял, что Хаю вынуждена была бежать и присудил с отца возвратить только половину калыма. Мянгочи хочет получить с отца весь калым, но боится, что такое постановление суда может вызвать недовольство, потому что все самоеды это дело знают. Вот почему они хотят теперь найти обольстителя и переложить на него уплату калыма.

— Ты спрашиваешь про Хаю?

— До страданий ее дела нет, потому что она купленная.

Нам говорили, что ты можешь защитить. Спрашиваешь, как люди живут и все пишешь и пишешь.

Напиши, чтоб дело Хаю судили по правде. Нам говорят, что нас судят по русским новым законам. Правда, что у вас закон такой вышел? —

Старшина не решился разбирать заявление Хаула и Панточи в присутствии русских и заявил, что этим сейчас заниматься не будем, а будем судить осенью.

На обратном пути пишущему эти строки не удалось побывать в Хальмер-седе и предпринять что-либо для облегчения участи потерпевшей.

Впрочем, сомнительно, чтобы и личное вмешательство принесло какую-либо пользу, если принять во внимание все слышанное в пути о деяниях председателя Тузовета Пакли Харючи.

Самоеды недоверчивы, несомненно сходятся с приезжими, не любят, если к тому нет острой необходимости, посвящать русских в детали своих интимных дел. Только случайная ссора шаманов дала возможность ознакомиться с делом Хаю во всех подробностях и даже выяснить действующих лиц и свидетелей.

Когда в чуме не оставалось ни одного мужчины, я неоднократно пытался через переводчика узнать у женщин, каково их мнение о существующем обычае покупки жен. Ответ неизменно получался один: отец кормил и растил нас и имеет право продавать.

Тогда я предлагал рассказать им сказку. — Я расскажу, а вы послушайте и скажите: хорошо ли так жить или нет?

Также неизменно начинал я свой рассказ о бедной Хаю, не называя имен и фамилий. Фразу за фразой переводчик передавал мои слова. В тех местах, где говорилось о притязаниях Мянгочи и страданиях Хаю, женщины шептались: войво, войво — худо, худо.

Мне ни одного раза не удалось досказать мою сказку до конца. На половине рассказа слушательницы узнавали действующих лиц и говорили: — мы знаем, знаем, про кого ты говоришь. Худо делал старик.

О том, что дело Хаю мне известно, узнал и Мянгочи и начал принимать соответствующие меры, приобретая новых свидетелей.

Меня, однако, интересовало не дело Хаю, как частное явление, выражающееся, быть может, в злоупотреблении маленьких должностных лиц, облеченных большою властью, а общий вопрос о положении женщины при существовании калыма и родового суда.

Сентябрь 1927 г.

ДОМОГАНИЯ МАНГУ И СЫЛПЫ ЯНТО

У Маймы Янто было две жены. Имя старшей, взятой из рода Яр, не удалось узнать, но у нее есть особая примета. Как-то осенью, когда собирали оленей, два быка подрались. Сцепились рогами и никак не могут разойтись. Хозяйка, желая разнять драчунов, близко подошла к ним. В этот момент один из оленей дернул головой и так ударил рогом приблизившуюся женщину, что правый глаз ее выскочил из орбиты. Долго болела неосторожная хозяйка, но все-таки выжила и вместо клочки-имени верную примету приобрела. Вторая жена тоже из рода Яр и зовут ее Иувэв. Обе жены жили с мужем и друг с другом дружно. Кочевал Майма с своим стадом в тысячу голов от Обдорска до моря. По установившейся традиции и поныне вторая жена кочует по тем же местам, и летом чум ее стоит у Ледовитого моря недалеко от устья Юрибея, впадающего в Гыдаям, а зимой прикочевывает к р. Надыму, заходя в фактории в селениях Хе или Норе. До Обдорска теперь самоеды большей частью не ходят, ограничиваясь упомянутыми населенными пунктами. От старшей жены у Маймы было пять душ детей: три дочери и два сына, а от второй жены два сына и дочь. У Маймы были и братья; один старше его — Мангу, а другой младший — Сылпы. Братья давно разделились. У всех трех хозяйства были самостоятельные и только чувство родства заставляло иногда заглядывать друг к другу в гости.

Лет шесть тому назад Майма умер. Старшему сыну в это время было лет 20 и ничто не нарушало покоя семьи.

Обычай такой есть: если после смерти хозяина чума остается парень мало-мало взрослый, то он является хозяином всему оставшемуся после отца и родственники не имеют права претендовать на имущество покойного.

Умирая, старик сказал сыну: — возьми себе в жены мою „таты“ (вторую жену) с нею и живи.

Так и случилось, но детей от этого брака не было. Парень говорил: — это отцова баба; мы ее не любим.

Не любила его и Иувэв, но, подчиняясь дедовским законам, честно исполняла свои новые супружеские обязанности.

После отца парень прожил не долго, всего лет пять и в прошлом году умер. К этому времени у его матери, старшей жены Маймы, осталось только две дочери. Погоревав о смерти сына, последней опоры хозяйства и, чувствуя, что теперь ничто не связывает ее с Иувэв, она взяла с собой младшую дочь и переселилась к своему старшему брату Сартю Яр. Старшая дочь осталась в чуме покойного отца и вместе с Иувэв до сих пор продолжает вести хозяйство семьи Янто.

С того момента, когда купленная со всем ее приплодом осмелилась уйти из рода Янто и к тому же увести в свой род дочь, для матери начинаются тяжелые испытания.

Прошлой зимой (1926 г.) в Норе встретил ее младший брат умершего Маймы — Сылпы и потребовал, чтобы дочь, взятая матерью из чума рода Янто, была выдана ему — дяде.

— Если меня в жены потребуешь, то я пойду и дочерей с собой возьму — заявила старшая жена Маймы, а на это Сылпы ответил: — ты мне не нужна, тебя я пускать к себе не буду, а дочь отдай.

— Дочь без себя не отпущу — отвечала женщина.

Тогда Сылпы говорит: — иди вместе, только будешь жить как работница, а не жена.

Баба отвечает: — не могу я так. Если меня возьмешь, как свою бабу, я пойду, а даром не буду тебе работать, как рабочая.

Сылпы говорит: — в жены я тебя не возьму, а рабочей жить можешь.

— Не могу я так и дочь не отдам — сказала баба.

Для разрешения спора Сылпы обратился к председателю туземного совета в Хальмер-Седе Пакле Харючи.

При разборе дела присутствовали: Сэйбер Ядне, Найбай Надёр, Ёгочи и другие. Судили в тундре недалеко от селения Норе.

Судья Пакля говорит: — если ты не хочешь идти, как рабочая, то отдай ему дочь — Хаюла.¹

Женщина ответила: — если меня не любит, женой взять не хочет, мне рабочей будет плохо жить.

Пакля присудил отнять у матери дочь и отдать ее Сылпы, при этом запретил матери пытаться вывести из чума и вторую дочь, как ей не принадлежащую и являющуюся собственностью братьев умершего. Хаюла, которой было не более 6-7 лет, не хотела уходить от матери, но Сылпы забрал бьющегося в истерике ребенка насильно и увез к себе.

Долго плакала старуха вдова, но все же уехала к брату, не решаясь на старости лет сделаться бесправной работницей Сылпы.

Последний, однако, не долго продержал у себя присужденную ему девочку и отдал ее старшему брату Мангү. Там она теперь и находится. Люди говорят, что живет ей плохо, так как жена Мангү очень сердитая женщина и заставляет ребенка много работать. Есть и другие доказательства того, что с бедной Хаюла плохо обращаются. Мангү работает ее заставляет, а одевать не одевает и требует, чтобы Кыгайо — пятнадцатилетний брат ее не по матери, а по отцу (сын Иувэв) прислал ей одежду. Мальчик через людей ответил, что он молод, заработать еще не может и пока прислать ничего не в силах. На это Мангү ответил, что одежда для

¹ Отец ядал парня, а родилась дочь. Отец остался недоволен. — На что мне девка? И назвал ее: Хаюла — нелюбимая.

Хаюла должна быть прислана, иначе он сам придет, возьмет половину чума, половину оленей, захватит и его с собой, а мать Иувэв бросит на произвол судьбы, так как она ему не нужна.

Иувэв, обрисовывая отношения к ней Сылпы, говорит: — когда Майма умер, чум наш стоял рядом с чумом Мангү. Однажды во время загона (неводьбы) оленей я не угодила чем-то ему, и он так избил меня, что поломал на мне свой „чур“ (чур-хорей — палка, которой погоняют оленей). Боюсь, что и теперь, если пойду к нему, он будет бить меня. Когда незадолго до смерти мужа, мы стояли чумами рядом, то половина нашего стада „парилась“ (была соединена) с стадом Сылпы и после смерти мужа Сылпы всем новорожденным оленям, не обращая внимания на протесты работника нашего Таюмподы, поставил свою мету, так что у нашего стада в том году приплода не оказалось, а у Сылпы получилось молодых телят больше, чем важенок (самок).

Все это заставляет оставшихся членов семьи Маймы быть осторожными с его братьями и всеми силами бороться как с порабощением их, так и с отнятием у них оставшегося имущества, тем более, что и со стороны Мангү семья подвергается преследованиям.

— Мы знаем, что силы наши не равны, но мы слышали, что у вас, русских, началась новая жизнь и вы теперь защищаете бедных и угнетенных. Так говорила Иувэв.

Мангү, отобрав дочь у старшей жены покойного брата, принялся за его вторую жену Иувэв.

Последняя с Кыгайо — пятнадцатилетним сыном своим, о котором упоминалось выше, тремя дочерьми и старшей дочерью первой жены продолжают вести хозяйство покойного Маймы при помощи старого их работника Таюмподы.

За эти долгие годы, прошедшие после смерти Маймы, оленей у них осталось не более ста голов. Малочисленность стада заставляет еще более дорожить знакомыми рыбными местами и потому они не бросают старых стоянок и попрежнему ежегодно прикочевывают к Ледовитому морю. Здесь у устья Юрибея на хорошо известных озерах они находят обилие рыбы и получают возможность не только питаться летом, но и делать запасы на зиму, и, таким образом, не уменьшать наличия стада. Кроме того, отдаленность кочевков препятствует Мангү и Сылпы немедленно разделаться с непокорной Иувэв и забрать себе весь живой инвентарь покойного брата: и людей и скот.

Одним из способов захвата имущества Маймы является требование братьев, чтобы стадо Иувэв „парилось“ с их стадами, рассчитывая на новорожденных оленей ставить свою мету и тем способствовать убыли стада умершего брата и постепенному переходу его в их руки.

— Если оленя своего или твоего зарежу — говорит Мангү Иувэв, — тебе мяса не дам, и так не пропадешь, а если и пропадешь, то беды не будет. Если не хочешь жить рабочей, ступай к брату, у тебя тоже брат есть, а дочки все мне останутся. Я их продам, а не ты.

Мать, не желая расставаться с дочерьми, пытается отстаивать свою самостоятельность.

Однако, Мангү уверен в своей победе, так как закон тундры на его стороне.

Весной он прислал к Иувэв своего работника Мадкó Янто и работника брата Сылпы — Мэккё Окковая с наказом: — оленей гоните ко мне,

чум ломайте и тоже везите ко мне, а когда привезете все добро, я бабу тебе, Мадко, отдам и чум дам. Вместо калыма будешь жить у меня в рабочих, а баба останется в роду Янто, потому что и ты сам из рода Янто.

Посланцы прибыли к чуму Иувэв поздней весной. Близилось лето и к реке Нейте, где стоял Мангу со своими стадами, проехать было нельзя. Женщина поняла, чем грозит приезд неожиданных гостей и, уговорив прибывших оставить на р. Юрибее зимний чум и санки с добром, решила отправиться с ними к Мангу налегке, чтобы выяснить, чего он окончательно хочет. Предпринимая такое решение, она еще раз пыталась избавиться как от нового мужа, так и от насильственной разлуки со своими детьми.

— Если меня будет требовать, — говорила она, — то осенью стадо будет «париться», а если меня требовать не будет, то отдельно буду стоять. Туда — не хочу. Рыбы у него нет. Он путем не ищет. Там рыбы мало, а я здесь рыбу запасаю и оленей не трогаю. «Юколой» (сушеной рыбой) — питаюсь.

По возвращении с реки Нейты она говорила: — ходили и боялись, что когда дойдем до Мангу, то он назад нас не пустит. К счастью, не нашли его и пока что воротились к себе на р. Юрибей. Сейчас каждый день боимся, что он вот-вот придет и все заберет. Если сейчас и не придет, то все равно зимняя стужа заставит нас покинуть эти места и идти на Нору или в Хе.¹ Они-то и являются для нас той петлей, которая нас заводит. Чувствует Мангу, что мы держимся благодаря нашему работнику Таюмподу и требует, чтобы он тоже убирался, куда хочет, а мы его не пускаем. Он всех нас кормил. Зачем ему от нас уходить?

— Напиши, чтобы нас никто не разлучал и чтобы мы все вместе жили, как жили до сих пор. Ты сына видел, смотрел, какой он красивый, так напиши, чтобы и его никто не трогал. Теперь у вас, говорят, новый закон. Нельзя ли судить по новому закону, чтобы бедных не обижали и не отнимали у матери ее детей. —

Так пытается всеми доступными ей средствами найти выход из создавшегося положения беззащитная Иувэв.

Сентябрь 1927 г.

РАБОТНИК ТАЮМПОДА ЯР

Имя Таюмподы, работника второй жены Янто, уже упоминалось в «Домоганиях Мангу и Сылпы». Некоторые данные из его личной биографии проливают свет на неписанные законы тундры.

После смерти отца Пякы Яр он остался с своей матерью, Нгангу (по-русски — авлейка), семилетним мальчиком.

Год мать прожила вдовой и вышла замуж за Тыха Яр. Плохо жилось Таюмподу в новой семье. Новый муж матери не относился к нему, как к сыну, а старался извлечь из него возможно больше пользы, как от дарового работника. Мать же, если и хотела иногда приласкать сына, то

¹ Нора и Хе — селения, расположенные на берегу Обской губы у р. Надым.

принуждена была делать это украдкой, чтобы не навлечь на себя гнева нового супруга.

Так или иначе, около десяти лет Таюмпода прожил в новой семье, а как только почувствовал себя способным жить самостоятельно, то покинул негостеприимный кров и пошел в работники к чужим людям. Уходя от матери, он не взял ничего из имущества второго отца и начал строить счастье своими собственными руками. Сейчас у него около 40 оленей, да и другое кое-какое имущество имеется. Пока еще не середняк, но уже и не бедняк. Тихий и спокойный, работающий и настойчивый, он медленно, но верно шел по пути создания своей семьи, если бы только злые люди не обирали его под видом исполнения дедовских обычаев:

— Выроссел и работал, — как говорил мне переводчик, — а мать старуха стал и ее место давно уже заняла вторая жена Тыха Яр.

Осенью 1926 года ловкий сорокапятилетний Тыха Яр, недовольствуясь двумя женами, решил взять себе третью — Сягирчу, дочь Нырига Янто. За третью жену надо заплатить десять оленей, а всего в стаде Тыха только двадцать, и решил он часть калыма погасить за счет оленей робкого Таюмподы.

Встретив Таюмподу зимою того же года у селения Ныды на Обской губе, Тыха стал требовать от него оленей на содержание матери.

— Ты муж моей матери, — говорит Таюмпода, — ты и должен ее кормить. Как я буду тебе давать оленей. Ты мне пая не давал, когда я у тебя жил. Плохо мне тогда было. За что я тебе оленей буду давать. Молодым я от тебя ушел, ты мне и лопоти (одежды) путем не давал.

— Тыха — сердитый, сильный и убить может человека, а Таюмпода — тихий, слабый, — говорит переводчик.

— Если ты добром не дашь, я своими руками возьму, сколько мне нужно оленей — говорит Тыха.

— Нет. Пока я жив, не возьмешь силой ни одного оленя — отвечает Таюмпода. — Сначала убей меня, а тогда и бери оленей.

— В таком случае я судом у тебя получу необходимых оленей — сказал Тыха и поехал к выборным.

Судили Сейбер Ядие и Сэса Поронгуй в присутствии Хэптар Янто и Хулы Яр.

На суде выяснилось, что Тыха уже 15 лет тому назад взял у Таюмподы важенку, пять лет тому назад отнял еще одну важенку и, наконец, три зимы тому назад взял быка.

При разборе дела Сэса Поронгуй сказал Таюмподу: — если бы мать твоя жила у тебя и умерла, то тебе пришлось бы на ее могиле убивать оленей, а если она живет у своего мужа, то ему придется убивать своих оленей. Поэтому ты дай требуемых Тыхой оленей.

Сэйбер Ядие прибавил: — Тыха взял у тебя раньше трех оленей, теперь ты должен дать ему еще двух быков и одну важенку. Эти шесть оленей Тыха возьмет себе без всякой платы. Если сейчас трех оленей не дашь — «тяжелым судом» судить будем.

Напуганный угрозами ответчик изъявил согласие немедленно дать требуемых оленей.

Кроме того судья, соблюдая интересы Тыха, заявил: — если Тыха опять в нужду попадет и хоть каждый год будет просить оленей, то ты,

Таюмпода, ему оленей давай, за этих оленей Тыха когда-нибудь тебе заплатит, а за первых шесть оленей ничего платить не должен.

Тыха, взяв присужденных оленей, сказал; — пока мать жива, каждый год буду у тебя брать оленей.

Между тем, полученных оленей Тыха и до чума не довёл. Калым за третью жену не был полностью оплачен и доставшиеся по суду олени вместо того, чтобы пойти на содержание матери Таюмподы, пошли на оплату калыма за ее соперницу.

Свой рассказ Таюмпода заключил обращением к автору: — Если ты дело правишь, то я на Тыху и смотреть не буду, пусть только оленей отдаст.

ДЕСЯТНИК ХЕЙЧЕ ХАРЮЧИ

Тазовскому волисполкому

Вдовы умершего юрака Обдорской
управы Харючи Пыр

Заявление

10 Февраля 1927 г. в наш чум, находящийся недалеко от Янова стана явился юрак Харючи Хейче, назвавшийся десятником. Он стал считать наше имущество: одежду, утварь, рыболовную снасть, охотничье оружие и оленей. Сосчитав все и отметив зарубками на палочке, обратился к нам с требованием — не продавать, не отдавать никому никакого имущества и оленя не колоть. И если они вздумают заколоть и съесть оленя, то их увезут к русским — в Тобольск, посадят в избу с решетками, а в избе этой будете сидеть на остром ноже и в самое сердце будут стрелять из ружья или расширят вам ноги и тоже будут стрелять. Кормить будут через день, давая маленький кусочек хлеба, и будете всегда голодны. Потом разрежут вам жилы на ногах и подвешат за них вниз головой.

Потом еще прибавил так: — если будете работать — рубить дрова и т. п., то деньги тратить нельзя, а когда опять приду, то буду смотреть, все ли так, как я говорю. Начальник я большой — слышу, как олень разговаривает, птица разная и зверь и долго с вами толковать не буду. После этого он уехал.

Сообщая об этом, просим ВИК. разобраться в чем тут дело, почему мы не имеем права резать на еду оленя, тратить деньги, которые мы сами зарабатываем. Почему наши дети должны умирать от голода. Просим нам разъяснить: есть ли, действительно, у русских такой закон, как говорил этот десятник. Правда ли, что за каждого убитого на еду оленя нас будут мучить.

Заявление написано со слов вдов Харючи Тыр через переводчика Павла Николаевича Аркадьева по просьбе первых.

Статистик А. Дингельштедт. Янов стан. 14/II 1927 г.

Ноябрь 1927 г.

БОГАЧ ТЭЧИДА НЕНЯНГ И РАБОТНИК ХАРЮКЭ ЯДНЕ

— „Наконец-то тебя догнал! Вы собираетесь покинуть нашу тундру и уехать в русскую землю, а народ говорит, что ты можешь мне помочь. Я хотел тебя увидеть и рассказать про себя. Нет у меня оленей и люди, видя, как шибко я устал, добираясь к тебе, подвезли меня. Может ты бедняку и поможешь. Дело мое такое...“

У холодного моря, где вы были, около устья р. Юрибея, летом кочует богач Тэчида Ненянг с двумя женами: из них старшую зовут Ятоле — она дочь Хатте Салиндера, а вторая по имени Непт из рода Вануйта. У Тэчида было еще две жены, но те умерли, Непт вошла в семью три года тому назад, а со старшей он живет уже более десяти лет. Владея большим стадом и прикочевывая ежегодно к морю, Тэчида, помимо жен, держал у себя двух работников — меня, Харюке Ядне, и Хабити Салиндера. Детей у него не было ни от одной из жен.“

Из дальнейшего рассказа Харюке Ядне выяснилось, что старшая жена Ятоле, не пользуясь вниманием мужа, увлеклась работником и забеременела.

Обнаружив беременность жены и считая, что от него ни у одной из жен детей быть не может, Тэчида вынудил у Ятоле угрозами признание в том, кто отец ребенка.

„Затем, — рассказывал Харюке, — вооружившись ружьем, Тэчида потребовал от меня покинуть его чум. На просьбу дать оленей, чтобы добраться до первого чума, он ответил, что не оставит меня в живых, если я немедленно не покину его стоянку. Пришлось уйти и пешком разыскивать ближайших кочевников.“

Так вот, по старым обычаям после прожитых совместно десяти лет калым не подлежал возвращению, а теперь судят по новым... По новым правилам в Хальмер-седе богач всегда свою выгоду найдет, а бедняку там своей правды не найти.

Безоленному не под силу выплатить калым, уплаченный богачем. На всю жизнь придется закабалить себя, возвращая ему и его наследникам оленей, которые в свое время он отдал за жену.

Если ты не выручишь, не напишешь бумажку, чтобы не платить Тэчида калыма, то я не могу взять к себе Ятоле...“

Если бы меня заставили, как у вас, ты говоришь, платить ей деньги, я может быть и согласился бы, а за что я бедняк буду давать ему богачу...“

Выпроводив работника, Тэчида запрет сани и предложил жене уезжать, куда ей угодно. Родители ее кочуют у селения Норе в районе Тазовской губы и, конечно, на полученных оленях, хотя их и четверка, она не в состоянии была бы проделать путь, требующий затраты нескольких месяцев. Плохенькие олени один за другим пали.

Когда пришлось встретиться с ней, Ятоле, пробираясь к родным постепенно от чума к чуму, еще не знала, пойдет ли она к ним или принуждена будет до конца дней своих нищенствовать, скитаясь по чужим людям. Она твердо уверена, что в родном чуме ее встретят крайне недружелюбно,

так как возвращать калым не из чего, а рассчитывать на нового покупателя у нее нет данных.

В одном из чумов у нее родился ребенок, но жил недолго, умер. Быть может естественной смертью умер, а может быть и мать, подавленная обстоятельствами, причастна в преждевременной смерти младенца. Тундра все скрывает. Каждый ведь понимает, что ей с ребенком деваться в тундре некуда.

105.

Цена 1 руб.